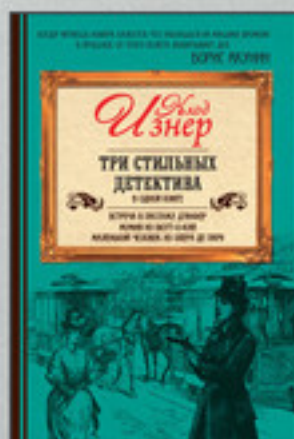

Клод Изнер

Мумия из Бютт-о-Кай

*Часть сборника
Три стильных детектива*

Клод Изнер
Мумия из Бютт-о-Кай
Серия «Сыщик-любитель Виктор Легри»

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7988848
Изнер, Клод Три стильных детектива: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-083851-6*

Аннотация

Год 1896-й. Книготорговец и самый хитроумный в Париже сыщик Виктор Легри принимает решение: он больше не будет заниматься расследованиями... Но когда обнаруживает свою знакомую старьевщицу повешенной, желание найти убийцу берет верх. Накануне днем эта дама передала ему некий предмет, и Виктор уверен, что он как-то связан с ее смертью, как, впрочем, и скульптура, удивительно напоминающая мумию...

Содержание

Пролог	5
Глава первая	7
Глава вторая	14
Глава третья	19
Глава четвертая	26
Глава пятая	35
Глава шестая	38
Глава седьмая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Клод Изнер

Мумия из Бютт-о-Кай

*Посвящается
Бернару, Этья, Жему и Морису
Лизе и Дени Селем и их трем сыновьям
Монике Брийон*

*Сегодня было тихо у реки.
Дух осени носился над водою —
И больше никого. Лишь холод, мгла, покой.
Безветрие.
Но вот глаза открыли фонари;
дрожат ресницы света — ветер близко.
Так ждут они прихода ноября.*

Эфраим Микаэль. Осень Микаэля¹

Claude Izner

La momie de la Butte-aux-Cailles

© Editions 10 / 18, Departement d'Univers Poche, 2009

Печатается с разрешения издательства Univers Poche при содействии литературного агентства Анастасии Лестер

Все права охраняются, включая право на полное или частичное воспроизведение в какой бы то ни было форме.

© Столярова Л. перевод, 2012

© ООО «Издательство АСТ»

Пролог

Начало января 1896 года

Густой мелкий снег засыпал улицы белой пудрой. Париж дремал в объятиях зимней ночи. Однако, как и в любом другом городе, далеко не все его обитатели впали в оцепенение: нетвердой походкой возвращались домой гуляки, бодрствовали сутенеры, а те, кому просто не спалось, слонялись по городу, проклиная свою жалкую участь. Большинство тех, кто оставался на ногах, делали это не по своей воле: они подчинялись некоей неумолимой госпоже – работе. Это по ее прихоти бессонно гудел среди дремлющих кварталов порт Сен-Николя, где непрерывно подходили к причалу все новые баржи, покуда мирные рантье острова Сите посапывали на своих мягких перинах.

«Утренняя звезда», доставившая товар из Гавра, завершала свой путь по темной воде, в которой отражались кормовые огни и свет уличных фонарей. Она прошла вдоль купален Вижье, недалеко от Королевского моста, а когда оказалась у моста Карузель, небо побледнело и озарилось первыми лучами солнца. Павильон Флоры тенью мелькнул на фоне светлых облаков. Вот показался острый угол сквера Вер-Галан, возник силуэт Нотр-Дама с его башнями, похожими на дымоходы. «Утренняя звезда» дала гудок и прошла среди драг² и подъемных кранов. Она пришвартовалась между трамповым судном из Лондона и огромной баржей, на которой, выбиваясь из сил, портовые рабочие кидали лопатами известь в огромные корзины. Эти корзины затем переправляли вниз, на набережную.

У берега покачивались, стучаясь бортами, лодки. Здесь же бродила черная дворняга, похожая на изможденного волка. Ее терзал мучительный голод. Ей бы хоть что-нибудь проглотить, свернуться калачиком у мотка троса и провалиться в небытие. Неподалеку искал себе пристанища вихрастый мальчишка в разбитых деревянных башмаках. Его тощее тело едва выдерживало груз непомерно большой головы, постоянно клонившейся вправо. Час назад он заморил червячка овощным бульоном в столовой для нищих, и теперь хотел лишь одного – найти укромный уголок, где можно было бы согреться и поспать. Родители бросили его два года назад на перекрестке, сказав, что скоро вернутся, и с тех пор он бродяжничал, побиравшись и почему-то надеялся однажды вновь увидеть родные лица. Когда у него спрашивали, куда он направляется, заморыш хрипло отвечал: «За город». Это было почти правдой, потому что летом он ошивался в Венсенском лесу и парке Сен-Клу. Там ему, возможно, попадалась и собака, рыскавшая по лесной просеке в поисках чего-нибудь съедобного – крота, лесной мыши или любых объедков. Несколько раз люди устраивали облаву, намереваясь поймать собаку и поместить в установленную на телеге огромную клетку, из которой доносился громкий лай, исполненный ярости и отчаяния. Несмотря на жалкий вид и запавшие бока, собака была сильна и осторожна. Инстинкт самосохранения помогал ей избегать многих опасностей и проявлять чудеса изобретательности, так что до сего дня ей удалось избежать живодерни, где погибло множество ее бездомных сородичей.

Когда солнце робко коснулось куполов Ла Монне и Института Франции и шлейф тумана растянулся вдоль Нового моста и моста Искусств, нависая над шлюзами и узким притоком Сены, собака наконец нашла себе прибежище и, свернувшись калачиком, задремала. По берегу взад-вперед сновали грузчики. Они сгибались под тяжестью огромных ивовых корзин, до краев заполненных каменным углем. Уголь грузчики сваливали в огромную

² Драга – судно, оснащенное многочисленными черпаками для подъема со дна водоемов породы, содержащей полезные ископаемые. – Прим. перев.

кучу и снова возвращались к трюму за очередной порцией. У груды песчаника сустились женщины в повязанных вокруг головы платках. Этот камень, столь необходимый для строительства новых домов, везли из Сенара. От «Утренней звезды» к пристани протянулась цепочка людей, которые передавали друг другу тяжелые ящики.

Из своего убежища собака могла исподволь следить за портовой суетой. Она уж было смежила веки, как вдруг ее тонкий нюх различил едва уловимый запах. Поджав уши, на полусогнутых лапах, она отважилась выйти из укрытия. Ее тут же заметили грузчики и принялись что-то кричать. В панике собака метнулась по льду на разъезжающихся лапах и заби-лась под грудой досок. «Держи! Держи ее! Ату!» – вопили вслед.

Но голод оказался сильнее чувства опасности. Когда шум немного затих, собака высунула из укрытия морду, но в нее тут же кто-то запустил камнем. Собака затаилась.

Из-за кучи песка за ней внимательно наблюдал мальчик. Он ей сочувствовал, ведь и ему самому приходилось несладко, и все это время он постоянно сталкивался с человеческой несправедливостью, равнодушием и жестокостью. А потому он придумал уловку, чтобы помочь четвероногому товарищу по несчастью. Подхватив брус, он поднял его как можно выше и резко бросил на груды щебня. Щебень с шумом осыпался на мостовую. Грузчики, ругаясь на чем свет стоит, никак не могли сообразить, что произошло. Тем временем собака, воспользовавшись суматохой, смогла наконец пробраться к источнику запаха – мешкам, выгруженным с «Утренней звезды».

Мальчик наблюдал, как дворняга с рычанием разодрала джутовую ткань и засунула в дыру морду. Когда она ее вытащила, морда оказалась перепачканной чем-то бурым. Мальчик сделал резкое движение, и собака испуганными прыжками вернулась в убежище. Удостоверившись в том, что никто на него не смотрит, мальчик отважился подойти к мешку. Он уже собирался засунуть в дырку руку, чтобы извлечь содержимое. Но тут увидел то, чего предпочел бы не видеть никогда. Вздвигнув, он как безумный ринулся к лестнице, ведущей с набережной на парапет.

А тем временем торговка вопила:

– Рюмашку! Кому рюмашку?

На правой руке у нее висела корзина, в которой позвякивали разноцветные бутылки, а в левой она держала термос с горьковатым кофе. Горячий кофе и выпивка отлично согревали грузчиков, береговых рабочих и бурлаков. К тому же это пойло неплохо заглушало голод. Торговка видела, как в мешке копались сначала голодная шавка, а потом этот заморыш, испугавшийся собственной тени. Сгорая от любопытства, она быстро подошла к мешку – и ее чуть не вывернуло наизнанку. Отвратительное зрелище! Отставив прочь корзинку, она бросилась к знакомому носильщику, который, недовольно морщась, все-таки согласился ее сопровождать.

Когда они наконец оказались на месте, страшный мешок исчез. На земле валялся лишь вывалившийся из дыры осколок человеческого черепа с ошметками окровавленной плоти.

Глава первая

29 февраля 1896 года, середина дня

Маленькая стрелка часов, казалось, застыла на цифре три. Айрис вернется около пяти. Виктор думал, что Дафнэ наконец устанет и он сможет передохнуть, но стоило ему уложить ее в кровать, как она тут же вскочила и протянула ручки, прося, чтобы он ее поднял и посадил к себе на плечи.

Сестра позвонила утром. Ей нужно было отлучиться, и она попросила его присмотреть за племянницей. Кэндзи был занят в книжной лавке, у бабушки разыгрался ревматизм, а Жозеф был занят – он разносил книги, так что без помощи старшего брата было не обойтись.

Виктор сослался на то, что не умеет обращаться с детьми. Айрис возразила, что это полезный опыт, ведь рано или поздно и у него появятся свои дети. Виктор неохотно согласился, ругая себя за уступчивость. Айрис уже покормила дочку, и ему нужно было всего лишь присмотреть за ней во время дневного сна.

Дневной сон? Утопия, мираж, несбыточная мечта!

Они строили на полу домики из кубиков с буквами, наряжали кукол, а потом затерялись в джунглях кресел и диванных подушек, охотясь за деревянным медведем, жирафом и слоном, которых Жозеф раздобыл в прошлом году у торговцев, попавших в затруднительное положение³. Наконец, превратившись в лошадку, Виктор несколько раз обежал на четвереньках квартиру. Девочка, сидя верхом, крепко держала его за волосы и визжала от радости, когда он громко, с удовольствием, ржал.

В конце-то концов ему даже понравилось возиться с этой крошкой, но сил уже не было никаких. Он предпринял очередную попытку уложить ребенка в постель. Безуспешно. Стоило ему уйти из комнаты, как Дафнэ принималась горько плакать, и перед ее слезами не мог бы устоять даже человек с каменным сердцем, не то что Виктор. Он посмотрел на часы. Было без четверти четыре.

– Не плачь, сейчас пойдем играть! – вздохнул незадачливый дядя.

Усадив Дафнэ на детский стульчик, Виктор огляделся и заметил под раковиной стопку старых газет. Он вспомнил, как в детстве, когда оставался один в резиденции Слоун-сквер, папа разрешал ему вырезать ножницами фигурки из старых номеров журнала «Таймс», правда, при условии, что на полу не будет валяться обрезков. Виктор взял газету, оторвал страницу и сложил гармошкой.

Он вырезал из сложенной страницы фигурку с толстым животом и огромным шиньоном на голове. А когда ее развернул, одна фигурка превратилась в десяток тетушек-близнецов, танцующих фарандолу.

– Мадам Толстушка! – объявил он.

Дафнэ посмотрела на фигурки, хитро улыбнулась и отрицательно покачала головой.

– Не тойстушка, – возразила она, – это баба Фосина! – Довольная, она рассмеялась и нежно прошептала: – Хочу сказку.

Виктор поднял с пола газетные странички и вдруг увидел заметку, обведенную красным карандашом:

³ См. роман «Встреча в пассаже д'Анфер». – Прим. перев.

Человек, встретивший смерть вчера ближе к вечеру у Дворца колоний, вероятно, тоже был ужален пчелой. Это американский исследователь-натуралист. На днях приехав в Париж, он...

Эта заметка уже канула в Лету, ее постигла участь всех прочих подобных публикаций, но теперь, нарушив ход времени, она вдруг оживила события семилетней давности, и Виктор представил себя таким, каким был тогда. Он вспомнил, как бежал по лестнице с букетом маргариток, белых солнышек с желтыми сердцевинками. Вот Таша открывает ему дверь своей мансарды, босая, в широкой блузе. Ее собранные гребешком рыжие волосы переливаются в радужном свете, проникшем в комнату через слуховое окно...

Это видение вызвало у него счастливый вздох.

Таша... Без нее жизнь не имела бы смысла...

Он почувствовал, что его дергают за рукав, и мгновенно вернулся к реальности.

– Тише, Дафнэ! Это бумаги Жозефа! 1889 год, Всемирная выставка, наше первое исследование⁴! Если твой папа обнаружит, что бабушка опять использует его газеты как туалетную бумагу... Ой, что будет!

Он скомкал обрезки и, от греха, сунул в мусорное ведро, чтобы Жозеф ничего не заприметил. Ополоснув руки, подхватил Дафнэ и направился в комнату. Девочка прижалась к нему щекой, ее веки дрогнули.

– Бай-бай, – прошептал Виктор, подхватил вырезанную фигурку и, скомкав, сунул в карман.

Дафнэ, словно в насмешку, тут же широко раскрыла глаза.

– Тото, сказку!

– Ну хорошо, хорошо... Но какую? Я уж и не помню никаких сказок...

Ему странно было возиться с этой крошкой в своей бывшей квартире. Когда-то они с Ташей целую неделю наслаждались здесь друг другом, почти не выходя из дома.

Испытывая легкую грусть, он принялся напевать:

*Время улетает прочь,
Улетают наши жизни,
Улетим и мы с тобой —
Завтра, может, иль сегодня⁵...*

– Не пой! Сказку!

Он подумал о маргаритках, о том, как Таша встретила его на пороге своей мансарды: «Извините за мой вид, я ужасно выгляжу...» – и начал рассказывать:

– Жил-был цветок, и был он совсем некрасивым... Э-э-э... Даже уродливым. У него было всего четыре крошечных серых лепестка, тонкий, как проволока, стебелек и два невзрачных круглых листика. Он был так безобразен, что пчелы, сновавшие вокруг, жужжали: «Ж-ж-ж... Ах! Какой уж-ж-ж-жас!» И перелетали на другой цветок. А бабочки, порхавшие поблизости, хлоп-хлоп-хлоп, никогда на него не садились. Несчастный цветок грустил, ведь он был совсем-совсем никому не нужен.

Виктор рассказывал ребенку сказку впервые в жизни, он не знал, как это делается, и потому, подражая какому-то комедийному актеру, строил рожицы, размахивал руками и даже делал вид, что плачет. Дафнэ невозмутимо наблюдала за ним, засунув в рот большой палец.

«Неужели ей интересно?!» – подумал он, не представляя, чем закончить свой рассказ.

⁴ См. роман «Убийство на Эйфелевой башне». – Прим. перев.

⁵ «Танец времени». Слова Марка Мориса, музыка Пьера Арве. – Прим. перев.

– Сказку, Тото! – потребовала девочка.

– погоди минуточку...

Разве может мужчина тридцати шести лет устоять перед просьбами полугодовалой кокетки?

– ...И вот однажды, когда стало совсем одиноко, – продолжил Виктор, – некрасивый цветок отважился заговорить с другим цветком, своей соседкой. А соседка была очаровательна, с яркими лепестками, зелеными листочками и прямым стебельком. «Скажи, пожалуйста, как тебе удастся быть столь лучезарной?» – спросил безобразный цветок. «Это так просто! – ответила красавица. – Я дружу с солнышком». – «С солнышком? А как же с ним подружиться?» – «С ним надо поговорить». – «Отлично!» – сказал безобразный цветок, принялся размахивать своими жалкими листочками и даже вырвал из земли свои тощие корешки. Цветок закружился в нелепом полете, развеселившем пролетавших мимо птичек, и добрался до солнышка. А очутившись наверху... Э-э-э... Ну... Неизвестно, что с ним произошло дальше, потому что, когда смотришь на солнце, так больно глазам, что приходится замуриваться. Закрывай глазки, Дафнэ, баю-бай, баю-бай...

Кто-то вдруг захлопал в ладоши. Виктор поднял голову: в дверях, в мокром плаще, стоял Жозеф.

– Браво, Тото!

– Тсс! Она спит. И не называйте меня Тото! – прошептал Виктор.

– Конечно, извините, – промямлил Жозеф. – Поздравляю, из вас вышел бы прекрасный сказочник!

– Жозеф, прошу вас, я едва стою на ногах. Не представляю, как вы со всем этим справляетесь...

– Наконец хоть кто-то посочувствовал. Я и сам не знаю. Когда разрываешься между книжной лавкой, нашими расследованиями, вами, Кэндзи, моей матерью, доставками, написанием книг... Кстати, вам не кажется, что моя дочь еще маловата для этой истории про безобразный цветок?

– Я не думаю, что это может ей навредить.

Трам-тара-рам!

Чихать я хотел на школу!

Трам-тара-рам!

От грамматики я взопрел.

Трам-тара-рам...⁶

Жан-Батист Бренгар, так называемый Бренголо, перестал горланить песню и глотнул еще ратафии⁷. Целый день он бродил под колючим дождем, мелким и пронизывающе холодным. Под этой мерзостью промокаешь порой сильнее, чем под ливнем. Он попал в Жантйи вечером, когда не боявшиеся восточного ветра прохожие отважно тянулись к дому. И уже почти отчаялся найти приют, когда поток света, разорвав мутное небо, словно перст Божий, указал ему на невзрачную хижину. Бренголо, не раздумывая, направился к бедной лачуге, на двери которой даже не было замка. Там он обнаружил грабли, лопату и мешок с гнилой картошкой. Самое Провидение привело его к этому райскому жилищу, хорошо бы только, чтобы никто его не потревожил.

Увы, очень скоро в дверях появился худощавый человек с корзиной на плечах.

⁶ Шуточная песенка французского композитора Эдуарда Дерансара, мелодию которой использовал Жюль Массне (1842–1912) в опере «Вертер» (1887). – *Прим. перев.*

⁷ *Ратафия* – разновидность ликера, настойка на спирту спелых плодов и ягод с добавлением сахара. – *Прим. перев.*

– Простите, мсье, на улице я бы просто околел! – воскликнул Бренголо.

– Не беспокойтесь, дружище. Я просто вспомнил, что не запер дверь... Но раз уж вы здесь... – Хозяин лачуги махнул рукой. – Огород был нашей с женой радостью. Мы сажали капусту, салат, лук-порей. Это, конечно, не рай земной, но зато, когда обрабатываешь клочок земли, тебе кажется, что ты богач. А какой был горох! А помидоры! Мы удобряли почву куриным навозом, а лучшего удобрения для овощей и не придумать!

– Отличное удобрение, к тому же бесплатное, – поддакнул Бренголо. Ему хотелось завоевать расположение хозяина. Вдруг тот позволит ему остаться здесь на пару деньков?

– Увы, жена умерла, а огород хотят отобрать. Мол, он мне не принадлежит. Да что уж тут поделывать! Когда-то мы с Монетт приезжали сюда каждое воскресенье, она возилась с грядками, я пил охлажденное в ведре с водой пиво и дремал, надвинув на затылок соломенную шляпу... Без нее все утратило смысл...

– Кстати о пиве... Может, у вас остался хотя бы глоточек?

– Нет, дружище, ни капли. Вот, держите... два су... Я не богач, сколько могу... А если что – в двадцати метрах отсюда стоят фургоны старьевщиков, они хоть и живут в постоянной нужде, но всегда выручат, если что.

– Да-да, это правда. Всегда найдутся люди несчастнее тебя. Уж я-то знаю, как меня встретят в деревушке. Слава богу, что ненароком не арестовали: ведь что бы ни стряслось, легче-легкого обвинить в том бездомного. А я и мухи не обижу! – воскликнул Бренголо.

– Мне-то кажется, честного человека сразу видно... Оставайтесь здесь, если хотите. Эту лачугу снесут только в августе, а я буду сюда захаживать, когда в огороде что-нибудь успеет.

– Вы так добры! Знаете, для таких, как я, нет ничего страшнее, чем в холодрыгу ночевать на улице.

– Я попрошу у соседа сена, вот вам и постель.

– А кто ваш сосед?

– Он держит нечто вроде постоянного двора. Там ночуют возницы, а лошадям дают овса. Вам не кажется, что тут как-то странно пахнет?..

С этими словами хозяин домишки вдруг удалился, и Бренголо даже не успел попросить у него хотя бы похлебки. Придется довольствоваться краяхой хлеба и почками, которыми его угостила добродушная колбасница.

Бренголо давно уже усвоил нехитрые правила, совершенно необходимые для таких, как он. Во-первых, никогда не отказываться от чьей-либо помощи, даже полицейских. Во-вторых, как можно реже мыться. Корка грязи не только спасает от палящих лучей солнца и кусачего мороза, но и отпугивает докучливых комаров. Что до вшей, то черт с ними, пусть живут: этих тварей нипочем не уничтожить, они – неизменные спутники всякого оборванца. В-третьих, профессиональному бродяге полагается иметь два вида одежды: для лета нужно как можно больше дыр (так лучше проветривается тело), а для зимы сгодятся сильно штопанные обноски, своим видом вызывающие жалость у прохожих и в то же время хорошо удерживающие тепло. В-четвертых, никогда не напиваться в стельку и предпочитать потроха любому другому мясному блюду: они богаты железом. Если повезет, следует употреблять сухофрукты и сырую морковь – они также очень полезны. Ну а духовную пищу черпать из книг, которые, пару раз прочитав, можно безжалостно выбросить. Сейчас у него была с собой «Песнь оборванцев» Жана Ришпена⁸. В ожидании возвращения своего благодетеля, он открыл первую попавшуюся страницу и начал декламировать:

⁸ Жан Ришпен (1849–1926) – поэт и писатель. Приобрел известность благодаря сборнику стихов «Песнь оборванцев» (1876). В 1908 году был избран членом Французской академии. – Прим. перев.

Зима прокашляла последнюю простуду,
И грустный след ее сметается повсюду.
Надолго сгладились узоры на стекле,
Снега растаяли в нахлынувшем тепле,
И светлая весна сошла на землю Божью⁹.

Согретый этими строчками, он поплотнее укутался в свои лохмотья и задремал.

В тот же день, на закате

Фирма «Романт», специализирующаяся на производстве парфюмерии и косметики, не поскупилась. Просторный холл, где прежде хранили заказы, освободили и украсили разноцветными гирляндами. На буфетных столах, застеленных скатертями, расставили подсвечники. А на стене красовался транспарант с надписью:

Да здравствует Бенуа Маню!
Мы благодарны ему за долгую и верную службу!

Тут собрались управляющие предприятием, мрачные и торжественные, словно гробовщики на похоронах, одетые в одинаковые черные костюмы; у всех были одинаковые бакенбарды, а из-под одинаковых цилиндров выглядывали седеющие волосы. Несмотря на разницу в росте и телосложении, они казались братьями, семьей, единым целым. Сложно было представить, что у кого-то из них могут быть собственные мысли или свое, отдельное мнение. Сейчас их неподвижность и сплоченность выражала одну идею: Бенуа Маню должен нас покинуть, это неизбежно, *alea jacta est*¹⁰!

Остальные служащие, сгрудившиеся в сторонке, были одеты не так строго и держались непринужденней. Поглядывая на бутылки игристых вин и сдобные булочки, щедро оплаченные дирекцией, каждый думал, как лучше ко всему этому подступиться. Речь главного управляющего никого из них не интересовала.

– Друзья мои, мы собрались здесь сегодня, чтобы проводить на заслуженный отдых нашего доблестного сотрудника, на протяжении долгих лет много делавшего для процветания компании. Так давайте воздадим должное его преданности и...

Старик вдруг затрясся от приступа кашля и не мог произнести ни слова; один из коллег бросился к нему со стаканом игристого вина, которое, увы, не помогло (управляющий чуть не захлебнулся, пытаясь сделать глоток), – а многие тем временем восприняли его жест как приглашение к угощению и ринулись к буфету. Остальные пытались их остановить, но безуспешно: их призывы напоминали рев осла при виде полчища саранчи. Наконец главному управляющему удалось справиться с кашлем, он отдышался и продолжил:

– ...И пусть отныне мсье Маню, отдыхая от забот, наслаждается заслуженным покоем.

Кто-то тихо, но отчетливо сказал: «Аминь». Последовала пауза, во время которой оголодавшие служащие с бешеной скоростью поглощали закуски.

– Благодарим вас, мсье Маню, – в заключение сказал управляющий, – эффективность вашей работы превзошла все наши ожидания!

Раздались жидкие аплодисменты. Управляющий после паузы извлек из кармана футляр – ему не сразу удалось его нащупать, так как он затерялся между носовым платком, табакеркой и зажигалкой, – и продемонстрировал коллегам.

⁹ Жан Ришпен. Идиллия бедных. Из сб. «Песнь оборванцев». (Пер. С. Андреевского). – Прим. перев.

¹⁰ «*Alea jacta est*» (лат.) – «Жребий брошен». Так якобы сказал Юлий Цезарь, пересекая реку Рубикон. – Прим. перев.

– Административный совет по такому случаю заказал в честь мсье Маню серебряную медаль. На лицевой стороне выгравирован его профиль, а на реверсе – витой флакон и ветка мимозы, в память о нашем первом успехе, духах «Мимозетт». Позвольте вручить вам медаль, мсье Маню!

Под звуки трубы из группы сотрудников выбрался человек в поношенном шевиотовом костюме. Нос, похожий на клюв попугая, глубоко запавшие глаза, незаметный рот, подбородок с ямочкой. И все это окружал нимб из взлохмаченной, с проседью, шевелюры. Бенуа Маню поправил пенсне, слушая дрожащий голос управляющего:

– Дирекция, президент и служащие говорят вам...

– ...идите к черту! – вновь встрял записной остряк, но оратор пропустил эту колкость мимо ушей и громогласно закончил:

– Вы – наша гордость!

Вновь раздались жидкие аплодисменты. Бенуа Маню решил, что ему, видимо, следует взглянуть на медаль, что он и сделал, поблагодарив всех легким кивком головы. В левую руку ему вложили футляр, а правую лихорадочно пожали.

– Речь, речь! – проблеяла высоченная дама в желтом платье, заговорщически посмотрев на свою соседку, коротышку в розовом.

Бенуа Маню взглянул на коллег, среди которых у него не осталось ни единого друга, и невнятно пробормотал:

– Я вам... бесконечно признателен... – Но его никто не слушал. Его голос потонул в выкриках «ура!» и «браво!». Маню прошептал управляющему:

– Спасибо, мсье Кларанс. – Дыхание у него перехватило, и непрошенная слеза скользнула по щеке.

Оркестр, состоявший, помимо трубача, из тромбониста, саксофониста и барабанщика, заиграл самый модный шлягер, «Вальс тыкв». Сквозь слезы Бенуа Маню различал кружащиеся в танце пары – желтую даму в объятиях пижона с пышными бакенбардами, розовую коротышку рядом с громилой с ассирийской бородой. Никто уже не обращал на виновника торжества ни малейшего внимания, кроме одного сутулого близорукого человечка, который, подойдя, похлопал его по плечу. Он почувствовал себя таким одиноким в этой толпе! Маню задыхался, голова шла кругом, его то и дело толкали и пихали бывшие сослуживцы. Всем было на него наплевать. Шатаясь, хотя не выпил ни капли, нетвердой походкой он направился во двор. Там стояли телеги, а в расположенной рядом конюшне лошади жевали сено.

Было холодно и совсем темно, но он знал, что у него в запасе еще много времени. Если повезет, он успеет на пароход, который отходит в половине седьмого. Он с досадой сжал кулаки. Его трясло и от холода, и от обиды: как внезапно и несправедливо его выпроводили из компании, которой он верно служил тридцать лет!

Тридцать лет рабства!

– Пустяковая ошибка в дозировке, – заявил он начальству.

– Непростительная рассеянность, – жестко ответили ему. – Вы больше не можете занимать эту должность. Не упорствуйте, дорогой мсье Маню, ведь ваше время истекло.

Гнев заставлял его ускорять шаги, пока боль не сковала колени. К счастью, он был уже у моста Шарантон, а там рукой подать до пристани Бато Паризьен. Бенуа Маню едва успел на суденышко, разрисованное рекламой шоколада «Менье» и бульона «Магги». Контролер за десять сантимов вручил ему металлический жетон, который следовало вернуть при выходе.

Маню заметил среди пассажиров несколько знакомых и поприветствовал их. Мужчины покуривали сигары, облокотясь на леер¹¹, на скамейках нижней палубы вязали женщины. Он

¹¹ Леер – съёмное или стационарное ограждение открытых палуб, которое служит для предупреждения падения людей

скользнул рукой в карман сюртука, чтобы удостовериться, что медаль на месте. Ничтожная благодарность за годы самозабвения, за творчество, итогом которого стало создание неповторимых ароматов!

– Вы допустили прискорбную оплошность. Но не беспокойтесь, мсье Маню, мы просто отправим вас на пенсию. Случай не будет предан огласке, и ваша репутация не пострадает. С вашими рекомендациями вы сможете даже подыскать новое место работы, – улещивал его заместитель директора мсье Тадорн.

Новое место работы! Это в сорок шесть лет! К тому же из послужного списка видно, что в шестнадцать он нанялся на фирму подручным и обучался ремеслу прямо на месте, не получив при этом специального образования!

Глаза застилала злые слезы, и берег, усыпанный огоньками фонарей, расплывался. Это был уже не прежний берег, а как будто некое чистилище, где его ожидали новые мучения. «Они избавились от меня, как от обузы! Посмотрим, что они запоют, когда их записные гении станут наливать вместо духов кошачью мочу!»

Его мутило, голова кружилась, и он заметил, что судно находится возле набережной Аустрелиц только в тот момент, когда оно уже собиралось отчаливать. Он поспешил на берег и бросился к лавке торговцев сладостями.

– Уже без одной минуты, мсье Маню! – воскликнула немолодая хозяйка в кокетливом кружевном чепце. – Вам как обычно, миндального печенья?

Мост Берси он пересек, жуя на ходу печенье, сладкий вкус которого, скрашивавший его вечера, ничуть не сглаживал душевную боль. Порт де ля Рапе, заваленный штабелями досок и грудями кирпича, производил жалкое впечатление. Бенуа Маню заметил грузчиков и огромное количество бочек с вином, отгороженных от дороги решеткой. Грузчики подтаскивали бочки к подъемникам, подъемники зажимали их металлическим захватом и переносили на повозки, которые развезут их на винные склады. Маню представил, как подъемник захватывает не бочку, а его тело, сжимает своими металлическими челюстями и бросает в черную воду. Поперхнувшись, он выплюнул печенье и завопил:

– Я отомщу! Я никогда не клялся им хранить тайну! Я продам их формулы конкурентам, и эти подонки разорятся, подчистую!

Он воинственно махнул рукой и решительно направился к бистро, намереваясь нарушить сегодня строгую диету и отужинать тушеным мясом или жарким и бокалом красного вина.

Глава вторая

1 марта

Лунный луч скользнул между занавесок и нежно коснулся книжного шкафа. В тишине комнаты было слышно только дыхание подруги. Виктор осторожно ворочался, стараясь ее не разбудить. В голове его бешено роились мысли, увлекая в веселый хоровод. Обычно, когда по ночам не спалось, он вставал и закрывался в лаборатории, где с увлечением предавался любимому занятию: ретушировал негативы. Но Таша непременно за ним приходила, скреблась в дверь: «Иди спать, Виктор!». Он подчинялся, возвращался к ней, и тогда, в полусне, она уступала его ласкам, и они вместе уплывали куда-то в ладье счастья.

Вот уже несколько дней он радовался подарку, который преподнесет ей по случаю дня рождения. Надеюсь, что общее увлечение еще больше их сблизит, и повинаясь порыву, он купил ей велосипед фирмы «Альсион». Как только она научится на нем ездить, они погрузят велосипеды на поезд и поедут вместе далеко-далеко, гонять по сельским дорогам. Она будет рисовать на пленере, он – заниматься фотографией. Он намерен вести себя благоразумно: больше никаких расследований, с этим покончено.

Он давно мечтал проследовать по пути Роберта Льюиса Стивенсона и его ослицы Модестины¹²... И от одной мысли, что мечта вот-вот осуществится, его охватила радость.

Косой луч покинул книги и добрался до волос Таша.

Приподнявшись на локте, Виктор любовался этим мирным зрелищем, которое навеки запечатлелось в его душе.

Альфонс Баллю колебался, не умея выбрать между желанием надеть обновку – полосатый саржевый костюм – и ошеломить всех, появившись в офицерской форме. В конце концов, поборов искушение, он решил не пачкать новый мундир. Комиссованный из армии по причине слабого здоровья, Баллю сменил службу в Сенегале на должность в военном министерстве, где служил секретарем генерала Барне. Первое время эта работа не вызывала у него ничего, кроме отвращения, но вскоре он уже радовался тому, что в его жизни больше не будет форсированных маршей в непогоду, не говоря уже о том, что теперь, выйдя со службы, он мог себе позволить удовольствие сесть за столик летнего кафе и полюбоваться прелестями проходящих мимо девиц, которые иногда строили ему глазки. Именно так ему удалось соблазнить некую Люси Гремий, которая стригла и помадила его соратников в салоне-парикмахерской на улице Антрепренер. Эта девица, надо признать, оказалась весьма ловкой и умелой: она его буквально преобразила, побрив подбородок, чтобы подчеркнуть роскошные длинные усы, и сделав ему косой пробор.

Когда, налюбовавшись своим отражением в зеркале шифоньера и сделав выбор в пользу полосок, он величественно спустился по лестнице, хозяйка семейного пансиона вдова Симоне воскликнула: «О, вас и не узнать!» – и это доказывало, что он не ошибся в выборе.

– Что вы хотите этим сказать, Арманда?

– Ах, мсье Баллю!.. Я запрещаю вам называть меня по имени! Хватит красоваться, идите завтракать, кофе и яичница остывают!

¹² Имеются в виду путевые заметки английского писателя и поэта *Р.Л. Стивенсона* (1850–1894) «Путешествие с осликом в Севенны» (1879). – *Прим. перев.*

Мадам Симоне проводила взглядом любимого квартиросъемщика и, терзаемая смутным беспокойством, вернулась на кухню. На самом деле вдовой она не была: ни с кем и никогда мадам Симоне не была связана узами брака. Однако, понимая, что статус незамужней дамы может смутить квартирантов, которым она предлагала кров и пищу, а также желая опередить неприятные расспросы, она придумала себе трагическую биографию. В ней все было как надо: ветреный супруг, измучивший ее изменами, его преждевременная гибель под колесами экипажа и наконец законное наследство.

О своем реальном прошлом Арманда Симоне предпочитала не вспоминать. С юности она жила исключительно за счет своих прелестей, но в конце концов ей повезло: она стала содержанкой у богатого старика, хозяина дома на улице Рамбютто. Длившиеся пять лет отношения не были освящены церковью, но зато он оставил ей неплохое наследство. С годами Арманда располнела, сменила прическу и теперь не боялась, что кто-то из прежних клиентов может ее узнать. Почти все свои средства она вложила в этот дом в зажиточном квартале Гренель, расположенный недалеко от мэрии, церкви и старинного замка, где теперь стояла пожарная часть.

В дверь позвонили. Катрин, служанка, пошла открывать. Она впустила пухленькую низкорослую женщину, укутанную в шали и в шляпке с перьями. Мадам Симоне сразу узнала Мишлин Баллю, кузину самовлюбленного Альфонса.

Мадам Симоне ее недолюбливала: каждое второе воскресенье эта толстуха отправлялась с братцем на прогулку, а после они обедали в каких-то дешевых забегаловках, вместо того чтобы столоваться у нее.

– Капитан Баллю завтракает, – объявила она с плохо скрытой неприязнью.

– Ну что ж, я пока с ним поболтаю! – невозмутимо ответила та.

Мадам Симоне пожала плечами. Она считала ниже своего достоинства общение с какой-то консьержкой. Что ж, тем хуже, капитан Баллю останется без дополнительных бутербродов. Она не станет долго терпеть присутствие этой расфуфыренной тушки.

Кроме Альфонса Баллю, за столом сидел Адемар Фендорж, бывший преподаватель латыни в религиозном училище. Теперь, выйдя на пенсию, он часами гулял в саду Тюильри, куда в обеденный перерыв приходили молоденькие девушки, которых он развлекал с помощью своей латыни. Этот дородный книголюб с длинными крашеными волосами произвел сильное впечатление на Мишлин, особенно после того как кузен рассказал ей о том, что тридцать лет назад, в молодости, латинист участвовал в раскопках останков доисторических животных в песчаном карьере на улице Сен-Шарль.

– Представляешь, Мимина, – так звал свою кузину Альфонс Баллю, – он обнаружил коренной зуб гиппопотама и берцовую кость гигантского ископаемого оленя!

– А эти штуки... которые он обнаружил... они редкие?

– Да ты смеешься?! Они ис-то-ри-чес-ки-е!

Войдя в столовую, Мишлин Баллю присела в неловком реверансе, а мсье Фендорж, кивнув в ответ и промокнув салфеткой рот, неторопливо направился на поиски новых, все более и более миловидных поклонниц.

– Вот это я понимаю! Какой интересный господин! Братец, тебе сказочно повезло иметь таких соседей!

Когда оба ушли, мадам Симоне принялась убирать со стола.

– О капитане Баллю могу сказать только хорошее. А вот его кузина – просто бестия, – проворчала она служанке.

– Да уж, мадам! Хорошо хоть, другие ваши постояльцы ее не видели, особенно мсье и мадам Дюссо. Они и без того такие угрюмые!

Но супруги Дюссо, бывшие фармацевты, как раз столкнулись с Баллю и его кухней перед особняком, принадлежавшим когда-то химику Ансельму Пейену, а ныне – его дочери, устроившей в нем дом престарелых. Мадам Дюссо, плоская, как доска, несмотря на все попытки набрать вес с помощью особо питательной диеты, окинула презрительным взглядом пышнотелую мадемуазель, а когда обе пары разминулись, ехидно процедила:

– Того и гляди, она скоро лопнет, эта консьержка с улицы Сен-Пер! А строит-то из себя!

– Куда ты поведешь меня сегодня, Пулэ¹³? – поинтересовалась Мишлин Баллю.

Она не имела права оставлять дом на улице Сен-Пер без присмотра, но договорилась, что ее подменит Лулу, племянница хозяйки «Потерянного времени», где потягивали пиво ученики Школы изящных искусств. Когда эти выходы в свет стали для Мишлин и ее кузена традиционными, они договорились, что Альфонс будет их организовывать, а его кухня – оплачивать.

– Ну, Мимина, мне бы хотелось пройтись до моста Гренель. Мы сможем посмотреть на уменьшенную копию статуи Свободы, из-за которой Париж похож на французский Нью-Йорк. Я никогда не видел ее вблизи! А потом пойдем пировать в кафе на улице Жавель¹⁴.

При слове «жавель» Мишлин Баллю поморщилась: она порядком устала от этого едкого раствора, которым чуть ли не каждый день ей приходилось драить лестницы в доме на улице Сен-Пер.

– Какая глупость! – проворчала она. – Тащиться в рабочее предместье, когда сам живешь на улице Лили...

– У нас, кстати, ужасно шумно и полно тараканов... Да и чем тебе не угодило рабочее предместье? Заводы – это здорово! Вообрази, что было бы, если бы в нашем округе построили фабрику игрушек, гидравлический цех, машиностроительный завод или еще что-нибудь в таком духе. Железный город... Это страшно интересно, тебе понравится. Я покажу тебе несколько заводов, если нам хватит решимости дойти до площади Бретей.

Он не стал оглашать цель первой части программы: пройтись по улице Антрепренер. Парикмахерская наверняка будет уже закрыта, зато не исключено, что Люси выглянет в окно.

Приятная беседа с кухней была прервана грохотом: по улице галопом неслись две белые лошади, тащившие повозку с пожарной помпой из казармы Виоле.

– И тем не менее, – вздохнула Мишлин, – я бы предпочла посидеть в каком-нибудь местечке, где у меня поднимется настроение...

– Где же это у тебя оно поднимется? Разве что на Эйфелевой башне?.. – сказав это, он тут же представил себе утомительный подъем на башню и украдкой зевнул.

Бенуа Маню вытянул затекшие ноги. Всю ночь ему снились кошмары. Он оторопело уставился на блеклые обойные цветочки, и ему вдруг показалось, что из всех этих цветочков на него смотрят злобные маленькие глазки. Чуть ли не выпрыгнув из кровати, он плеснул воды из кувшина и смочил лоб. Станный звук заставил его напрячь слух. Уже десять минут десятого! Почему не били часы? Надо скорее бриться, одеваться, черт, кофе кончился, а варить слишком долго. Тем хуже, придется обойтись без кофе. И только приготовив кисточку для бритья, он вдруг все вспомнил. Он уволен! Ему некуда больше торопиться. Ему вручили эту дурацкую медаль, отправив на свалку с нищенской пенсией. Он рухнул на матрас с кисточкой в руке. Впереди был бесконечный пустой день. День безделья и скуки.

¹³ Пулэ (фр. *roulet*) – «цыпленок». – Прим. перев.

¹⁴ Жавель (жавелевая вода) – хлористый раствор, зеленовато-желтая едкая жидкость, которую употребляли для беления ткани и при стирке белья. – Прим. перев.

– Ты – отброс, тебя обрекают на нищету, и у тебя есть все шансы закончить жизнь на помойке! – бормотал он себе под нос.

Мысли, пронесившиеся в голове, были одна чернее другой.

Он не читал романов, никогда не ходил в театр или кабаре, ненавидел деревню, не увлекался живописью. Женщины?.. Ничтожные создания, безрассудные, лишённые изобретательности. Секс? Раз в две недели в доме терпимости на улице Прованс, для здоровья. Его политические взгляды были точно такими, как у большинства буржуа. Все имело смысл: мораль, полиция, армия, начальники, деньги, – только в том мире, в котором у него была его работа. И вот теперь эта прекрасная конструкция рухнула.

Холод и голод вывели его из неподвижности. Накормив печь коксом, а себя яблоком и каманбером, он раздвинул шторы. Его окна выходили на бульвар Берси. Ни солнце, ни утреннее небо не могли его утешить. Он не скажет ни слова соседям и торговцам. Будет возвращаться домой как обычно, делая вид, будто продолжает ходить на службу. Маню носился по комнатам в поисках беспорядочно разбросанной одежды, на ходу оделся. Замешкался лишь, чтобы повязать галстук вокруг шеи, запрятать поглубже медаль и пригладить шеvellюру перед трюмо, втиснутым между книжным шкафом со всевозможными учебниками и справочниками по химии и столиком, заваленным ретортами и пробирками.

Маню направил свои стопы в бухгалтерию фабрики «Романт». Они, небось, думают, что рассчитались с ним сполна. Не тут-то было! Он не откажется ни от сантима из положенной компенсации.

Консьерж мерил шагами тротуар, покуривая короткую трубку и ворча на детвору, высыпавшую из школы на перемену. Иногда – когда был уверен, что никто не вмешается, – консьерж развлекался тем, что шпынял робкую молоденькую служанку, которой не хватало решимости постоять за себя. Этот злющий цербер по имени Жюль испытывал садистское наслаждение, издеваясь над теми квартиросъемщиками, которые представлялись ему слабыми. Но истинными козлами отпущения были у него одноглазая старуха, прозябавшая под самой крышей и когда-то работавшая матрасницей, и Бенуа Маню.

– А, вот и вы, а я вас с позавчерашнего дня поджидаю. Вы помните о сроке платежа? Вы обязаны безотлагательно заплатить, домовладелец ждать не будет!

– Сегодня вечером точно заплачу, а сейчас, извините, я очень тороплюсь.

– Проспали, да? И теперь несётесь как угорелый! В воскресенье! Так вы и по воскресеньям на своей парфюмерной фабрике вкалываете? Ну дела!

Бенуа Маню поднял брови. Он и забыл, что сегодня воскресенье. Непринужденным жестом достал из кармана часы.

– Неотложное дело, – пробормотал он.

Консьерж усмехнулся.

– Все хотел спросить, почему у вас-то в квартире розами не пахнет? А дом вы не спалите из-за своих дурацких опытов?..

Что-то бормоча в ответ, Бенуа Маню быстро отвернулся и почти бегом направился к берегу Сены. Он уже не мог видеть, как консьерж изменился в лице, когда двухместная карета, стоявшая до того метрах в десяти от парадного, тронулась за ним вдогонку, а поравнявшись, остановилась, и из открытой дверцы показался рукав, отделанный кружевом. Его поманила рука в белой перчатке.

Бенуа Маню остолбенел. И оглянулся вокруг. Без сомнения, жест был адресован ему. Он тщетно пытался сообразить, кто эта незнакомка, и на мгновение заколебался, но как устоять перед таким судьбоносным призывом? Мсье Маню вздохнул. Ему необходимо решиться. Но на что? Наконец, справившись с болезненной робостью, он подошел к распахнувшейся дверце и уселся в карету, которая тут же тронулась с места.

– И этому типу хватает наглости ходить по девкам вместо того, чтобы вовремя платить за жилье! Неотложное дело! Я не позволю над собой насмехаться! Я тебе покажу неотложное дело! – орал консьерж, выронив трубку.

Глава третья

30 мая

В широких шароварах для велосипедных прогулок Хельга Беккер сзади напоминала клоуна. И то, что несмотря на свою тучность, она передвигалась с такой легкостью, совершенно противоречило закону притяжения. Виктор с удовольствием наблюдал, как она гоняла вокруг фонтана в Люксембургском саду. Это могло бы стать сюжетом для кинематографического скетча, даже более смешным, чем «Политый поливальщик» братьев Люмьер.

Дама едет по саду на велосипеде. Велосипедистка, не удержав равновесие, падает в пруд и уходит под воду, но ее моментально вытаскивает ярмарочный силач.

Он недавно сфотографировал одного такого силача с улицы Дюранс, который давал представления на площади Домниль, и теперь Виктор представлял себе те трюки запечатленными на киноплёнку. Он был убежден, что изобретение братьев Люмьер в техническом плане ничуть не совершеннее хронофотографии Этьенна Жюля Марей¹⁵, хотя видел в нем замечательное средство художественного выражения, позволившее придать движение застывшей вселенной фотографии. Но когда наконец появятся цвет и звук?

Виктор уже позабыл свою фантазию о Хельге Беккер, барахтающейся в пруду среди лебедей и крошечных парусников, которых пускают, вооружившись шестами, мальчишки в матросских костюмчиках. Он теперь любовался Таша в изящном костюме от модного дома Френкель, что специализируется на спортивной одежде. Новенькие велосипеды-близнецы посверкивали на солнце. Таша еще нетвердо держала руль, но ей уже удалось объездить это грациозное животное. Правда, не обошлось без падений...

Таша тем временем миновала женщину, сдающую стулья напрокат, которая немного испугалась внезапному появлению этой девушки-кентавра, и остановилась возле коляски, в которой сидели улыбочивые девчушки.

Хельга Беккер порекомендовала Таша свое любимое средство от простуды: кусочек сахара, пропитанный мятной настойкой.

– Эта машина, какой бы прекрасной она ни была, может стать причиной всяких неприятностей, моя дорогая! Взять хотя бы макияж. Я использую изобретение доктора Диса, наклеиваю эти его полоски, а вечером их снимаю. И ауфидерзейн морщины! А с тех пор как я стала носить корсет без пластинок и с отверстиями для доступа воздуха, я распрощалась и с болью в желудке!

– Таша решила эту проблему по-своему, она вообще отказалась от корсета, – встрял в разговор Виктор.

– О! Мсье Легри, мужчины не должны обсуждать такие вопросы, вы вгоняете меня в краску! – так громко завопила Хельга Беккер, что человек, сдающий лодки напрокат, бросил на нее веселый взгляд.

Хельга посмотрела на часы.

– Уже поздно, и я должна вас покинуть. Я обещала мадам де Флавиньоль пойти с ней на соревнования по медленной езде на велосипеде, от парка Монтрету до моста Сен-Клу. Это теперь так модно! Я, должно быть, смущаю вас тем, что так громко говорю... просто

¹⁵ *Хронофотография* – киносъемка или фотосъемка движущегося объекта через короткие равные интервалы; в 1893 году французский физиолог Этьенн Марей (1830–1904) изобрел этот метод для изучения полета птиц и насекомых. – Прим. перев.

не могу прийти в себя после победы Массона на велогонках в Афинах¹⁶, на Олимпийский играх! Вот это скорость! Промчался, как стрела! А ехать медленно, по-черепашьи, совсем не интересно!

Когда, неуверенно покачиваясь, Хельга покатила прочь, Виктор и Таша тоже оседлали своих железных коней и направились к киоску под крышей с кованым козырьком. Торговка как раз испекла вафли, которыми они лакомились, наблюдая, как маленькие девочки качаются на лошадках.

Сначала Таша отнеслась к велосипеду, этому странному и громоздкому изобретению, настороженно, но в конце концов согласилась учиться на нем ездить, при условии, что обучать ее будет женщина, например Хельга Беккер, не понаслышке знакомая с трудностями и опасностями, которые приходится преодолевать при этом слабому полу.

– Ты ни слова не сказал о моем костюме. А ведь я его надела сегодня в первый раз.

В отличие от Хельги, широкая шотландская юбка которой легко превращалась с помощью завязок в шаровары, Таша выбрала облегающий костюм: короткую куртку, бриджи, открывающие икры в черных чулках и ботинки. Этот выбор, несколько не лишая женственности, еще больше стройнил ее. Однако Виктору ее вид был непривычен.

– По-моему, слишком облегающе. Я не уверен, что женщина должна выставлять свои прелести напоказ. Прощай, тайна, скрываемая под ворохом шелков!

– Здравствуй, свобода движений!

– Боюсь, что в проигрыше от этого нового мировоззрения будет любовь. Если женщины откажутся носить платье, грань между мужским и женским сотрется, уделом всех станет нечто усредненное, не оставляющее места мечтам.

– Похотливым мечтам придворных Эдокси Аллар, эрцгерцогини Максимовой, срывающей нижнее белье на сцене театра «Эден»?.. Неужели и тебе это интересно?! Сегодня вечером я докажу тебе, что снимать этот костюмчик можно так же эротично, как развязывать нижнюю юбку! А что до стирания различий – ты сам виноват, ведь это ты, по собственному недомыслию, сделал из меня спортсменку! Спорим, ты меня не догонишь?..

И она помчалась. Преследуя ее под узорчатой тенью платанов, ведущих к фонтану Медичи, Виктор испытывал чувственное наслаждение. Тень вековых деревьев, отраженных в воде, делала устремленный вперед силуэт причудливым и особенно романтическим. Эта наядка – или танцовщица? – казалась ему неуловимой, а оттого еще более желанной.

Притаившись среди девственного леса, дом дремал. Он был построен на углу Итальянского бульвара и улицы Корвизара обувщиком с улицы Комартен, нажившим состояние во времена Второй империи. Быстро разбогатев, тот пожелал жить в роскоши. Но в этом доме на него обрушилось страшное несчастье: супруга сбежала от него вместе с детьми. Обувщик пустил себе пулю в висок, а дом остался недостроенным. Из-за бесконечных тяжб наследников, которые так и не были улажены, вот уже много лет здание тихо ветшало, а парк превращался в дикие заросли.

В ближайшем от него квартале кипела жизнь. Бульвар был запружен повозками, груженными сельдереем, морковью и свеклой. Там же толпились разносчики товаров, блеяло стадо овец, расхаживали кухарки с корзинами в руках. В воздухе носились запахи прогорклого масла, лука и отхожих мест, отовсюду слышался звон колокольчиков и песенки, которые насвистывали или напевали прохожие. Старьевщики и ремесленники ссорились, отвоевая себе место, где можно было бы разложить товар, а заводы располагались так близко, что дым из труб затягивало в окна винных лавок. Здесь жили бедняки. В их ветхих жилищах не

¹⁶ Открытие состоялось 25 марта 1896 года по инициативе барона Пьера де Кубертена. – *Прим. перев.*

было мебели, ее заменяли ящики из-под мыла. В таких же ящиках выращивали на продажу морских свинок и лаковые деревья¹⁷, под ветвями которых играли одетые в лохмотья дети.

Дом, спрятавшись под покрывалом из плюща и ломоноса, угрюмо смотрел своими темными пустыми глазницами на аллеи, заросшие сиренью, акацией и орешником. Правое крыло, судя по всему, было задумано в псевдоренессансном стиле, но ныне больше походило на неудачно спроектированное административное здание. Центральная часть, увитая молодым виноградом, имела величественный вид. Ее украшали орнаменты: аканты, ионики, вязи. На барельефах над окнами были изображены женщины и дети в античных одеяниях. Верхний полуэтаж поддерживали колонны, на капителях которых были вырезаны листья и плоды. Серовато-синюю крышу из сланца украшало декоративное навершие. Два каменных льва, сидевшие на задних лапах, охраняли вход, рядом с которым находилась привратническая, ныне уже почти разрушенная. Левое крыло возвести так и не успели: на этом месте виднелось только основание будущих стен, обнесенное ветхим забором.

Для того чтобы обойти огромный заброшенный сад, нужно было иметь хорошую физическую форму: его разбили на склоне холма, и, хотя когда-то здесь были лестницы, но они так обветшали, что по ним уж было не пройти. Приходилось карабкаться, цепляясь за кусты. В гуще сада притаился пруд, покрытый ряской и заросший камышом. Время от времени на свободной от тины и ряски поверхности появлялись круги: признак того, что в нем водилась рыба. Впрочем, кроме бездомных кошек, здесь бывали лишь отважные мальчишки: в тишине пруда было что-то тревожно-пугающее. Облупившаяся статуя Девы Марии указывала пальцем куда-то в небо, словно предупреждая о возмездии. Было ли услышано ее предупреждение? И неужели ничего, кроме тайн, не осталось в этом доме с перебитыми из рогаток стеклами? Ходили слухи, будто в нем живут привидения, что, кроме обувщика, здесь покончил с собой некий отвергнутый поклонник, а сутенер задушил проститутку.

Тишина царил в этих зарослях, где даже птицы не спешили вить свои гнезда. На протяжении многих лет дом словно терпеливо караулил, покуда какая-нибудь жертва запутается в его тенетах. Момент был близок. Бездушные камни чувствовали, что вскоре здесь произойдет нечто ужасное.

– Официально сообщают, что погибли тысяча триста шестьдесят человек! А по слухам их не меньше трех тысяч! – возвестила Рафаэль де Гувелин, размахивая газетой и волоча за собой отчаянно упиравшихся собачек, мальтийскую болонку и шипперке. Те никак не хотели заходить вместе с хозяйкой в книжную лавку «Эльзевир» на улице Сен-Пер, 18.

Кэндзи Мори оторвался от своих карточек, а Жозеф обратился в слух.

– А что случилось? Землетрясение? Извержение вулкана? – полюбопытствовал он.

– Вот и не угадали! Но это ужасно, ужасно!

– Мы почему-то так и подумали.

– ...Это случилось в России, на Ходынском поле, на торжествах по случаю коронации Николая II. Это поле – сплошные промоины и ямы, рядом овраг глубиной двадцать метров. Несчастные, бросившиеся получать подарки царской четы – фунт белого хлеба, сласти, платок и кружку, – сами создали давку, и их затоптали те, что напирали сзади.

– Я читал репортаж о том, как царский кортеж пересек Красную площадь. И что в честь восшествия на престол Николая II был дан семьдесят один пушечный залп. Сломать себе шею ради подарка от самодержца – в этом что-то есть! – воскликнул Жозеф.

¹⁷ *Лаковое дерево* (лат. *Toxicodendron vernicifluum*) – растение семейства Сумаховых, вид рода Токсикодендрон, произрастающее в Китае, Корее и Японии. В плодах содержится около 25 % жирного масла, из которого получают так называемый «японский чёрный лак». – *Прим. перев.*

– Когда собирается такая тьма народа – это уже таит в себе опасность, – проговорила Рафаэль де Гувелин, прикрываясь веером, как щитом. – Но, полагаю, вы предпочли бы, чтобы я рассказала об убийстве. Вы ведь обожаете подобные происшествия!

– Ну да, признаться, меня это больше занимает. Например, такая история: человек убил знакомого, чтобы украсть у него коллекцию марок стоимостью десять тысяч франков. А тело спрятал в сундук и сдал в камеру хранения в городке Кувилль, недалеко от Шербурга. Оригинально, не правда ли?

Его собеседница пожала плечами и обратилась к Кэндзи.

– Дорогой мсье Мори, вы так цените шик в одежде, что вы думаете о революции, которую эти великосветские щеголи пытаются совершить против цилиндров?

– Думаю, последствия их бунта против цилиндров менее пагубны, чем последствия коронации русского царя. Полагаю, вам известно изречение Виктора Гюго о том, что мыслящая голова лучше головы в модной шляпе.

Рафаэль де Гувелин рассеянно погладила песиков и вновь обратилась к Жозефу, который расставлял на полке приобретенные накануне восемь томов «Тысячи и одной ночи».

– Не посоветуете, где мне поискать корзинку для моих крошек? К несчастью, они сгрызли ту замечательную ивовую корзинку, что подарила ваша супруга. Она так изысканно украсила ее тюлем и сатином... А может, ее не затруднит сделать мне такую же?

Жозеф открыл было рот, чтобы ответить, но тут в дверях появилась дама в туалете желтого шелка и широкополой бархатной шляпе. Она склонила голову, приветствуя Рафаэль, и громко воскликнула:

– Здравствуйте, мсье Мори!

– Мое почтение, мадам. Какая неожиданность! Значит, наши конкуренты вас не устраивают?

Олимпия де Салиньяк никогда не признавала своих ошибок. В прошлом году она демонстративно перестала посещать книжную лавку, недовольная тем, как ее обслуживали. По правде говоря, ее недовольство было случайным капризом, и она здорово скучала по приветливым владельцам, по располагающей к беседе и тому неподдельному интересу, который все здесь выказывали к книге и книжным знаниям. Не обратив никакого внимания на реплику Мори, она продолжила:

– Терпеть не могу этого вашего Эмиля Золя! Он порочит благородные просветительские идеи. Но мне хотелось бы полистать его последний роман «Рим», что вышел в издательстве Шарпантье. Говорят, он пишет, что город так и остался языческим и что по берегам Тибра разгуливают наследники цезарей, одержимые манией величия. Мне хотелось бы уточнить, так ли это, ведь послом при святейшем престоле назначили моего друга мсье Пубеля¹⁸.

– Читала я эту книгу! – воскликнула Рафаэль де Гувелин. – Ее герой – молодой священник, который порицает современную католическую церковь. Какая дерзость!

С нескрываемым раздражением Кэндзи отложил свои карточки.

– У нас этой книги нет. Заказать?

– Да, закажите. Лучше две... И добавьте еще «Супружеские тайны» мадемуазель де Бове, вышедшие в издательстве «Лемер». Моя племянница, мадам де Пон-Жубер, жаждет углубить свои познания.

Жозеф воспринял эти слова как колкость в свой адрес. Когда-то он увлекся Валентин де Салиньяк, но та вышла замуж за знатного франта. Жозеф натянул куртку и собрался уходить, но Рафаэль де Гувелин его окликнула.

– Так что с корзинкой?

¹⁸ Эжен Рене Пубель (1831–1907) – префект департамента Сена (1883–1896); ввел в употребление металлические урны для мусора, которые были названы по его фамилии *poubelles*. – Прим. перев.

– Попробую узнать у Айрис. Но вообще-то мы здесь больше не живем. Всего доброго. До понедельника! – бросил он с заговорщическим жестом Кэндзи, и тот, отвечая ему, поднялся.

– Дамы, нам пора закрываться.

– Как это – они здесь не живут? – повторила Рафаэль де Гувелин.

– Птицы покидают гнездо, едва научатся летать, а люди – когда у них появляются деньги на арендную плату, – со вздохом пояснил Кэндзи, выпроваживая покупателей на улицу.

Жозеф испытывал благодарность к Реми де Гурмону¹⁹, который не только частенько посещал книжную лавку «Эльзевир», но и охотно читал его странные рассказы. Разумеется, Жозеф понимал, что не может соперничать с автором «Таинственной латыни» и «Сикстины», с человеком, которого за статью «Игрушечный патриотизм» изгнали из Национальной библиотеки, после чего он стал одним из основателей журнала и издательства «Меркюр де Франс», где и работал до конца своих дней. Но было у них и нечто общее: оба страдали от своих физических недостатков: у одного был горб, у другого – волчанка. И оба были влюблены в книги, которые Реми де Гурмон увлеченно собирал. К тому же он не гнушался продавать кое-какие экземпляры через букиниста с набережной Малакэ. Когда мсье де Гурмон узнал, что Жозеф хочет переехать, он, запинаясь, сообщил, что один его родственник намерен выехать из трехкомнатной квартиры с очень умеренной арендной платой на улице Сены, 31.

Убедить Айрис покинуть отчий дом оказалось проще, чем ожидал ее супруг. Она очень любила своего отца, но оставаться в его доме не могла: ей хотелось чувствовать себя хозяйкой и избавиться от его властной заботы. Поскольку жили поблизости, они могли часто навещать друг друга – это было тем более важно, поскольку в квартире на улице Сены, в отличие от квартиры на улице Сен-Пер, не было ванны. Что до мадам Пиньо, чья квартира находилась на пересечении улиц Висконти и Сены, то и она не имела ничего против того, чтобы сын с семейством жил на несколько десятков метров дальше от ее дома.

Жозеф и Айрис влюбились в новую квартиру. Комнаты были просторными, окна выходили на сад, а под одним из окон росла липа. Им пришлось по вкусу и шторы бежевого репса, и недавно поклеенные зеленые, в разводах, обои. Не было необходимости ничего в квартире менять, а это позволяло еще и экономить. Когда же хозяин квартиры, друг Реми де Гурмона, предложил им приобрести по сходной цене несколько предметов мебели красного дерева, они мигом подписали арендный договор и почти сразу переехали.

Этим вечером сердце Жозефа, как обычно, забилось быстрее, когда он поднимался на третий этаж по лестнице со стертymi ступенями и кованными перилами. Подумать только, здесь жила Жорж Санд! И именно здесь в двадцать семь лет она впервые переоделась в мужское платье. Жозеф, конечно, был бы против, если бы Айрис пришло в голову последовать ее примеру, однако этот факт его воодушевлял: ему представлялось, что дух знаменитой писательницы окажет покровительство его литературной карьере.

Войдя, он почувствовал аппетитный запах гратена²⁰, фирменного блюда Эфросиньи, имевшей обыкновение ужинать вместе с сыном и невесткой. Зюльма Тайру, помогавшая ей на кухне у Кэндзи Мори, вышла замуж за Андре Боньоля, бывшего дворецкого Легри, и переехала в Нант, где готовила в местном кафе жареный картофель по-парижски. Так что теперь Эфросинья буквально разрывалась на части, помогая и семье сына, и Виктору с

¹⁹ Реми де Гурмон (1858–1915) – писатель, эссеист, художественный критик; антinationалистическая статья «Игрушечный патриотизм» (1891), написанная с симпатией к немецкой культуре, вызвала шумную полемику в прессе. – *Прим. перев.*

²⁰ Гратен – блюдо из картофеля, запеченного ломтиками с сыром, сливками и специями. – *Прим. перев.*

Таша. Мсье Мори отказывается от ее услуг? Что ж, это даже к лучшему. И пусть тогда сам разбирается со своей новой экономкой!

Пока Жозеф обсуждал новости с матерью, Айрис сидела в гостиной, где вышивала суконный чехол на пианино, напевая дочке колыбельную. Та лежала рядом, посасывая палец. Слушая ровное дыхание дочери, Айрис погружалась в сладостный, волшебный мир. Три тетради сказок с рисунками Таша лежали на письменном столе. Последняя история, «Кот с острова Мэн», была еще не закончена. Ее герой, белый кот, так горевал из-за того, что у него не было хвоста, что решил купить на континенте кошку-девятихвостку²¹... Она унеслась мыслями очень далеко, но тут свекровь позвала всех за стол.

– Ты слишком много работаешь, сынок! – ворковала Эфросинья. – И переутомляешься! Понимаю, ты стал компаньоном, но почему бы мсье Легри не подменять тебя по субботам? Я только что видела их с мадам Легри... Она одета в один из этих дурацких костюмов. Все так и пялились на ее ноги, стыд-то какой!

– Мама, я тебе уже объяснял, мы распределили обязанности. Виктор дежурит три утра и три полных дня в неделю. А Кэндзи главным образом разыскивает у букинистов и на аукционах раритеты. Я по понедельникам свободен, а по вторникам и четвергам разношу книги. Таким образом нам не приходится нанимать еще одного работника, а у Виктора остается свободное время для занятий фотографией... Скоро мы сменим вывеску, и на ней будет значиться: «Древние и современные книги. Мори – Легри – Пиньо»!

– Мне тоже кажется, что все идет хорошо, – поддержала мужа Айрис. – Жозеф может больше времени уделять семье и своему писательству. Он говорил вам, что «Месть призрака» выйдет в «Пасс-парту» на следующей неделе?

– Конечно говорил! И все же я убеждена: его эксплуатируют! И платят мало! Небось, Пьер Декурсель²² не страдает от безденежья! – возразила Эфросинья.

– Ну послушай, мама! У него же толпа помощников, а я все делаю сам!

Не так давно Матильда де Флавиньоль подарила ей билет в театр Амбигю-Комик на «Двух малышей»; Эфросинья вышла из зала в слезах и теперь только и говорила, что о том спектакле.

– Ах! Какая трогательная пьеса! Мне так жаль Фанфана и Клодине, ведь они стали жертвами бандита Ля Лимаса и его сожительницы Зефирины. Вот какие истории следует сочинять! Больной чахоткой мальчик, отец которого несправедливо обвиняет свою жену в измене и мстит, отдав сына Ля Лимасу... Это даже лучше, чем «Две сироты».

Но Жозеф не слушал. Он уставился в тарелку, вспоминая случай, произошедший совсем недавно, в феврале: лошадь фиакра номер 10 536, устав ждать пассажира, поднялась вверх по улице Эльзас, дошла до соседней станции и остановилась, пока кучер искал ее повсюду как одержимый.

– Вот и сюжет будущего романа: экипаж, который тянет заколдованная кобыла... И называться он будет «Адский фиакр» – успех гарантирован! – произнес наконец Жозеф, прежде чем положить в рот изрядную порцию картофеля и расплавленного грюэра.

Ему так не терпелось записать скорее свою идею, что он в мгновение ока покончил с ужином – к удовольствию матери, которая отнесла это на счет своего кулинарного таланта.

Стена на улице Корвизар была увита вьюнком. Его не было лишь на ржавых створках ворот, ведущих в поместье. Над Бютт-о-Кай уже сгустились сумерки, когда двое с сумками,

²¹ Имеется в виду особая порода бесхвостых кошек с острова Мэн. Согласно легенде, кошка опаздывала на Ноев ковчег и Ной, затворяя дверь, нечаянно прищемил ей хвост; кошка-девятихвостка – плеть с девятью и более хвостами, на конце которых либо узлы, либо крючья, либо острые наконечники. – *Прим. перев.*

²² Пьер Декурсель (1856–1926) – автор бульварных романов, в том числе «Преступление святого», «Пьющая слезы» и «Два малыша», которые пользовались огромным успехом. – *Прим. перев.*

один широкоплечий, а второй – тщедушный, повернули в замке тяжелый ключ и направились по заросшей тропинке к дому, силуэт которого темнел на фоне золотистого вечернего неба. На полпути тщедушный замедлил шаг и бросил в пруд пригоршню крошек. На мутной поверхности появились круги: карпы, лини и золотые рыбки наперебой хватали крошки.

– Зачем ты их кормишь? Лучше давай поймаем одного и сами полакомимся, – проворчал здоровяк.

Он схватил тщедушного за рукав, но тот вырвался и первым устремился в заросли.

Перед небольшим строением они остановились. Тщедушный снял навесной замок с подгнившей двери и зажег фонарь. Они шли по узкому, затянутому паутиной коридору, в конце которого была лестница с крутыми ступенями, ведущая в погреб. Фонарь осветил канделябр со свечными огарками и окно, наглухо закрытое ставнями, а потом выхватил из темноты покрывало, которым был накрыт какой-то длинный вытянутый предмет. Тщедушный испуганно отшатнулся.

– Ты уверен, что он действительно... – прошептал он.

– Если бы он был жив, мы были бы в курсе. Давай скорее!

Они откинули покрывало. Перед ними лежал окоченевший труп мужчины в брюках и рединготе, с прижатой к груди рукой. Глаза мертвеца были закрыты. Здоровяк ощупал одежду, порылся в карманах покойника. Достав бумажник, тут же в него заглянул, но там лежали только две купюры, которые он сунул себе в карман.

– Раздевать не будем.

– А башмаки?

– И что это даст? Я все обдумал, никто его не опознает.

Тщедушный возразил, перекрестившись:

– Это не по-христиански, вот так хоронить человека!

– Не по-христиански? А убивать вообще по-христиански? Держать его в этом тайнике по-христиански? Мы взяли за грязную работу, и теперь у нас один выход – закончить ее как можно скорее, иначе мы рискуем оказаться на тюремных нарах, где у нас будет достаточно времени, чтобы перебирать четки и благоговейно призывать на помощь Святую Троицу. Раньше надо было думать! И не забудь, ты сам затеял эту игру.

– Надо было запихнуть его в мешок, набить туда камней и бросить в пруд. Он бы утонул, и рыбы бы его сожрали.

– Не смей меня! Это ведь не пираньи и не аллигаторы. Давай, доставай инструменты. Наш приятель бледен, и я его сейчас разукрашу. Но прежде всего – одеяние. Шевелись, подавай инструменты!

Тщедушный взглянул на подельника со смешанным чувством восхищения и отвращения. Но тот сурово повторил приказ, и ему пришлось повиноваться. Присев на корточки, тщедушный достал из первой сумки отрез сукна и расстелил его на земле. Затем вынул инструменты, разложил на ткани, и здоровяк принялся за дело. Тщедушный же поднялся, шепотом произнес: «Матерь Божия!» – и свернул пыльное покрывало.

Глава четвертая

9 сентября

Как ни жаль, но Жану-Пьеру Верберену не удалось отстоять свои права на хижину в Жантийи. Бренголо находил в ней приют с зимы до середины лета, не уставая благодарить приютившего его хозяина, а тот, верный своему обещанию, делился с ним собранным урожаем. Их повседневной пищей были сырые и вареные овощи, а импровизированный стол – сбитые вместе и положенные на две бочки доски – буквально ломился от даров земли.

Но настал день, когда сюда явились почтенные господа в костюмах, с гербовой бумагой и складным метром в руках. Когда с замерами было покончено, хозяин лачуги и бродяга расстались. Первый направился в Порт де Брансион, в меблированную квартирку, где он прозябал на жалкую пенсию бывшего переписчика, второй – просто в город. Он не пошел дальше XIII округа, чтобы как можно чаще навещать своего приятеля Жано, как он его называл. Удача ему сопутствовала, и, проведя несколько ночей под открытым небом, он наконец добрался до приюта на улице Жан-Мари-Жего, возле артезианского источника Бютт-о-Кай. Тем, у кого не было за душой ни гроша, подавали там краюху хлеба и миску похлебки. А за десять сантимов, которые раздобыть несложно, прося милостыню, можно было и попить: поесть рагу, сосисок, макарон или батата. Клиентами таких приютов были не только нищие, но и рабочие, которым не доставало времени заниматься домашней стряпней. Ребятишки, жившие в этом самом убогом столичном квартале, могли помыться в приютской больнице, где их к тому же поили молоком, а также снабжали лекарствами и одеждой.

Некто Полен Анфер организовал раздачу бесплатного супа в бывшем здании театра на улице Мартен-Бернар, построенного из материалов, что остались после выставки 1889 года. Бренголо регулярно наведывался туда за похлебкой, которую им выдавали под девизом: «Мы не должны отказывать беднякам в крошках хлеба, которые скормливаем воробьям».

Как-то Бренголо забрел в заброшенное поместье обувщика с улицы Комартен. И хотя от дома остались только стены и местами провалившаяся крыша, Бренголо счел это жилье роскошным. Он заложил дыры в стенах камнями, затолкал в оставшиеся щели соломы, и теперь ему оставалось соорудить печь и вывести наружу трубу.

– Я теперь богат! У меня свой замок! – хвастал Бренголо приятелю. Сообщив Жано адрес замка, он пообещал, едва все доделает, пригласить того на новоселье, поесть до отвала лапши.

– А пока пойдем промочим глотку в забегаловке на пустыре. Я угощаю!

Взобравшись на вершину холма, они увидели цыганский табор. Яркие повозки стояли полукругом. Из котелков, висевших над огнем, доносился аппетитный пряный запах мясного рагу. Смуглые стройные женщины стирали белье, лущили фасоль и раздавали подзатыльники ребятам. Мужчины с важным видом курили трубки. Старик плел корзину, прислонившись спиной к дереву, к которому был привязан ослик. Бренголо и его приятеля пригласили поужинать, и они согласились. Бренголо чувствовал себя в таборе, как дома. Жан-Пьер Верберен, напуганный гортанным языком и грубыми манерами, немного оттаял, когда ему налили стакан самогона. Две девчонки в пестрых юбках сплясали перед ними, стуча, как в бубны, в пустые кастрюли.

– Подайте су на свадьбу, мсье!

– На свадьбу? Но вы же еще маленькие! – удивился Жан-Пьер Верберен.

– Ну, на понарошечную свадьбу, вон с ними! – Маленькие цыганки показали на двух мальчишек в узких брючках и огромных шапках.

– А ну-ка прочь отсюда, негодницы! – прикрикнула на них старуха, запахивая шаль на тощей груди. – Еще стаканчик, мсье?

– Почему бы нет? – оживился Бренголо. – Эх, Жано, вот это жизнь! Полная свобода! Твой дом там, где твоя повозка... и женщины! Да, женщины мне не хватает. Как устроюсь, подышу себе какую-нибудь.

Выпив залпом третий стакан, Бренголо вспомнил о девушке Луизе, которая тридцать лет назад обучила его искусству любви и наполнила его жизнь смыслом, пока вдруг не выставила вон. Он все еще хранил в душе ее образ, но уже не мог вспомнить ни голос, ни черты лица. Еще помнил название деревушки на берегу речки... как же она называлась... Бенез?... Да, кажется, Бенез. Ах, как страстно он обнимал Луизу, когда они отплывали подальше от берега на лодке! Она была очень красива, но в деревеньке слыла то ли колдуньей, то ли сумасшедшей. А однажды утром она вдруг захотела погадать ему по руке.

– Тебя, мой блондинчик, не заарканит ни одна женщина. Ты увидишь мир, а потом состаришься и окажешься на небесах. Если бы ты знал, как там чудесно!

Покидая приют Монморийон, Жан-Батист Бренгар еще не был Бренголо. Ему было всего четырнадцать. Он был безусым коротко стриженным юнцом, со взглядом, полным любопытства, когда отправлялся в Шательро, где собирался поступить в ученики к столяру. Но после приюта с его казарменной дисциплиной учиться парню не хотелось.

– Ах! Это было чудесное время, Жано. В любом городке я легко находил работу. Летом ночевал на лугу или в лесу на берегу ручья. Голодать мне не приходилось: уж кусок хлеба с сыром у меня был всегда. А зимой я прятался в амбарах или зарывался в стог сена.

– Неужели у тебя никогда не было желания остепениться?

– Было! Только я не люблю об этом вспоминать. Ее звали Луиза, она была стегальщицей обуви. Темноволосая, пухленькая. Это она подарила мне этот ножик. Видишь, я даже вырезал на рукоятке сердечко.

Глаза Верберена увлажнились.

– Моя Монетт... мне ее никто не заменит... Она была такая нежная... Почему она меня покинула?

– Не переживай, Жано, как только подцеплю бабенку, я с тобой поделюсь! – пообещал Бренголо. – Знаешь что, приходи послезавтра, одиннадцатого. К пяти часам. Я приготовлю царский ужин!

– Сельдереи с пармезаном несъедобен, – заявил Виктор.

– Зато куриные окорочка по-римски – просто объеденье! – отозвалась Таша. – Причем после плотного ужина тебя почему-то не тянуло в сон, и мне ты тоже не давал заснуть, – заметила она, вытянувшись рядом на развороченной постели. – Настоящее поле битвы, правда, Кисточка? – спросила она у кошки, свернувшейся клубком на подушке на полу.

Они расправили простыни и снова легли, но прежде Виктор запер кошку на кухне. Он не знал, что она научилась, подпрыгивая, открывать дверные ручки, а это значило, что как только хозяева уснут, готова была пробраться в спальню.

Они пожелали друг другу спокойной ночи, но сон все не шел – каждого терзали свои проблемы.

Таша продолжала задаваться вопросом о том, когда наконец у них будет ребенок. И если с ребенком ничего не выйдет – расстанутся они или нет. Она гнала эти мысли, придумывая иллюстрации к «Эмалям и камням» Теофиля Готье, заказанные ей одним швейцарцем, представляла, как оформила бы «Вариации на тему “Венецианского карнавала”»: под высокими сводами, на ступенях лестницы, танцуют под дождем из блесток Арлекин, Коломбина

и Пьеро, на которых равнодушно смотрит случайный прохожий в рединготе и цилиндре. Видение растаяло и уступило место воспоминаниям о посещении салона Общества французских художников: «Мадам Дождь» – женщина в вуали, рядом с горгульей Собора Парижской Богоматери, «Литургия в церкви Капри», «Выпуск голубей на борту миноносца в Ла-Манше», или «Пастушка из Ролльбуаза». Вот что нравится публике. Так стоит ли удивляться, что ее картины не покупают? И все же ей грех жаловаться, разве сэр Реджинальд Лимингтон не приобрел ту, где изображена ярмарка, и в толпе бродят легендарные исторические личности? Он отправлял всех своих знакомых англичан, прибывавших в Париж, к ней в мастерскую на улицу Фонтен, и двое из них уже стали ее постоянными покупателями. А между тем многие коллеги Таша были в гораздо худшем положении.

Она переживала из-за того, что, много лет занимаясь живописью, так и не обрела известность. Остался ли у нее шанс добиться успеха? А вдруг Виктору все это надоест? Нет, конечно, ведь он ее любит! А она терпит его приступы ревности и безумные полицейские расследования. Конечно, так будет и впредь. Ведь они созданы друг для друга.

«В следующем году мне исполнится тридцать. Это – рубеж. И почему мне не достался дар Камиля Писсарро?»

Она закрыла глаза, и перед ее внутренним взором встали нарядные руанские крыши, которые восхитили ее в галерее Дюран-Рюэля²³. Щелкнула кухонная дверь – это Кисточка бесшумно прокралась в спальню, – и Таша наконец провалилась в сон.

Виктор пребывал на грани сна и бодрствования. Он тяжело переживал кончину Поля Верлена. Бедный Лелиан, разделявший с уличной девкой²⁴ убогое жилище на улице Декарта, скончался в январе. Ужасная судьба!

«А во мне, изнеженном комфортом, есть ли хоть искра священного огня, горевшего в душе поэта и озаряющего работы Таша? Талантливы ли мои фотографии? Или образ Таша на велосипеде достоин лишь семейного альбома?»

Виктор наконец решился воспользоваться аппаратом «Pocket Kodak», подаренным ему Таша 14 января на тридцатишестилетие. Он был горд и счастлив, что два его увеличенных фотоснимка были выставлены в помещении парижского фото-клуба, в галерее на Елисейских Полях. И тем не менее его снедали сомнения. Портреты андалузского кузнеца и пастушки из Ларзака, те, что он отобрал для выставки из множества снимков, сделанных во время восхитительных летних каникул с Таша, вряд ли могли соперничать с «Лозерским извозчиком», «Современной Мадонной» и «Ястребами в гнезде». Виктор страстно желал научиться использовать все возможности фотоаппарата. Он уже закрыл глаза, и в тот момент, когда кошка укладывалась клубочком у него на животе, сон перенес его на парижский бульвар. Таша шла рядом, они разглядывали газовые фонари и прохожих, толпившихся у лотка уличного торговца. Черно-белый сон стал цветным, появился звук; ветер раскачивал замшелые ветви каштанов, словно дергал за ниточки огромных марионеток.

10 сентября

Первые восемь месяцев 1896 года были богаты природными катаклизмами. Более сорока гроз обрушилось тогда на столицу. 26 июля парижане пережили целых четыре грозы, а ливень с градом нанес значительный ущерб Ботаническому саду.

Но в тот четверг, 10 сентября, ничто не предвещало беды.

²³ Поль Дюран-Рюэль (1831–1922) – один из первых коллекционеров; оказывал финансовую поддержку художникам, особенно импрессионистам, которым организовывал персональные выставки. – Прим. перев.

²⁴ *Pauvre Lélian* – анаграмма имени *Paul Verlaine*; Эжени Кранц – бывшая танцовщица, став любовницей Верлена, вскоре разорила его. – Прим. перев.

Бренголо проснулся, когда от голода подвело живот. Он зажег два фонаря, которые стащил ночью на стройке, и сварил на керосинке кофе. Представив себе сочное жаркое с картошкой, судорожно сглотнул слюну.

– Вот незадача: в брюхе пусто и мне нечем его набить. Ведь коли есть хоть корочка хлеба, ты вроде и не голоден.

Было еще слишком рано для благотворительных обедов, и он решил стянуть кувшинчик молока из тех, что молочник ставил возле дверей домов. Усталые ноги нещадно болели, но пришлось пройти довольно далеко, на площадь Италии. В своем квартале, среди развалюх с окнами, затянутыми промасленной бумагой, он вряд ли раздобыл бы себе еду. Потому, перекинув через плечо сумку, в которой лежала пустая бутылка, Бренголо доковылял до площади Италии и, не замеченный консьержем, потихоньку проскользнул в один из домов. Там он отлил молока из кувшина и направился в обратный путь.

Проскользнув в парк через прореху в заборе, скрытую зарослями крапивы и жимолости, он пробрался в чащу, где притаился его дворец. Там он выпил полбутылки молока, порылся среди старых удочек, выбрал одну и открыл жестяную банку с червями.

Бренголо подошел к пруду, мимоходом погладив по щеке потрескавшуюся Деву Марию.

– Ну что, красавица моя, помоги мне поймать пару рыбешек. Карпик меня бы вполне устроил, я продал бы его матушке Аделаиде и на пять франков купил бы хороший кусок говяжьего филе. Ты не захотела помочь мне с силками... Но рыбы-то тут полно.

Дева безмолвствовала, зато ворона согласно закаркала. Бренголо перекрестился и посмотрел на другое божество, царствующее посреди пруда, – хотя было бы правильнее назвать эту статую чудовищем, а не божеством, настолько устрашающим было ее лицо. Бренголо питал к ней отвращение, но вел себя почтительно, опасаясь, что в противном случае она принесет ему несчастье.

– Ну и видок у тебя... Не то человек, не то волк... но ты не думай, я вовсе не хотел тебя оскорбить... – Он вздохнул. – Пожалуй, не такой уж ты и урод, старина. В любом случае, ты не помешаешь мне поудить рыбку. Я вижу там, в воде, какое-то движение, и чутье подсказывает мне, что меня ждет неплохой улов!

Он опустился на четвереньки и вгляделся в мутную воду, где отражались пролетающие над прудом птицы. А вот и водомерки заскользили по поверхности.

– Наверное, там есть и глубокие места. А ты, – снова обратился он к статуе, – напоминаешь мне водяного. Нас пугали таким в приюте, якобы он хватает за ноги мальчишек, которые уходят купаться без спроса, и утаскивает на дно... К черту этот вздор, пора заняться делом! – Он взял червяка и стал старательно нанизывать его на крючок. – Не получается! Ну и кривые же у меня руки!..

Вдруг сильный ветер зашумел в кронах деревьев, и над парком повисли грозовые тучи.

– Пора закругляться, похоже, сейчас пойдет дождь, и сильный!

Бренголо не знал, что несколькими мгновениями раньше над центром Парижа зародился ветер. Усиливаясь с каждой минутой, он поднимал с земли опавшие листья. Устремился на улицу Мабийон, к Новому мосту, к воротам де Пантен через Шатле, Републик и Бютт-Шомон. Уже собираясь пересечь Сену, он не смог устоять перед искушением и дохнул в направлении Ботанического сада. А потом, настоящим ураганом, обрушился на поместье на улице Корвизар.

Пригнувшись под его резкими порывами, Бренголо огляделся в поисках укрытия. Между кустов орешника была небольшая канавка, и он поспешил туда. Он повидал на своем веку немало бурь, поэтому та, что трепала сейчас парк, его не испугала. Он лег в канавку, свернулся калачиком и приготовился заснуть, но громкий треск ломавшихся веток мешал ему. Бренголо на всякий случай обеими руками ухватился за самую толстую ветку. В этот

момент торнадо достиг пруда, и перед Бренголо предстало фантастическое зрелище: воду, рыб, кувшинки завертело и подняло в воздух в огромной воронке. Казалось, какое-то гигантское существо через огромную соломинку пытается втянуть в себя пруд и всех его обитателей. А статуя словно ожила. Бренголо похолодел, увидев, как она зашевелилась на пьедестале и склонилась, словно приветствуя кого-то, но тут же верхняя ее часть обрушилась: торс покатился к берегу, руки отвалились, и из обрубков потекла вязкая зловонная жижа. Бренголо казалось, что настал конец света. Он прижался к земле, обхватив руками голову, но потом сообразил, что его может придавить упавшим деревом, и вскочил.

Казалось, сад околдовали злые чары. Деревья были изломаны, по земле бежали потоки воды, на мокрых листьях фосфорически светились какие-то зловещие искорки. А вдруг это они вдохнули в статую жизнь? Надо бежать! Но куда? Его прибежище от таких мощных ударов могло вообще распасться на куски. Все вокруг гудело, стонало и завывало, резкие порывы ветра сбивали несчастного с ног. Он присел на корточки, не в силах отвести взгляд от обломков ужасной статуи. Ему хотелось оглохнуть и ослепнуть!

И вдруг ветер резко стих. Над парком еще висели мрачные грозовые тучи, но бледный луч солнца прорвался сквозь них и осветил акации на берегу пруда. Мимо Бренголо проскользнула ондатра. Решив, что опасность миновала, он встал и отряхнулся, но тут ливень и ураган обрушились на сад с новой силой, и рядом с Бренголо, чуть не задев его, на землю с треском упала толстая ветка.

– Да это просто какая-то казнь египетская! – воскликнул он и поднял голову к небесам: – Эй, вы там, наверху! Вы ошиблись, я не фараон!

Он опустился на землю, голова у него кружилась. Пережитые невзгоды оставили его, отпустив в мир видений. Не чувствуя тела, он воспарил над землей...

Через некоторое время Бренголо очнулся. Все тело у него затекло. Он шевельнулся, чихнул, перекатился на спину и увидел над собой безмятежно синее, без единого облачка небо. Неужели ураган ему привиделся? Нет, он еще не сошел с ума – это подтверждала лежавшая неподалеку береза, вырванная из земли с корнями. Но это было не самое худшее. Бренголо наткнулся на что-то носком башмака, посмотрел, что это, и застыл от ужаса: собачья голова статуи уставилась на него пустыми глазницами. И хотя она лежала отдельно от изуродованного тела, Бренголо стало не по себе: ему показалось, что поверженное чудовище вот-вот оживет. Он затаил дыхание и попятился. Подойдя к пруду ближе, Бренголо с изумлением увидел, что уровень воды в нем понизился на две трети, и было видно, как на дне бьется уцелевшая рыба.

– Вот это да! – обрадовался Бренголо, тут же позабыв все свои страхи. – Эх, жаль, нет с собой сачка! Придется обойтись терпением, хитростью и смекалкой!

Он огляделся: поблизости был чудом уцелевший куст дикой смородины. Бродяга отломал раздвоенную ветку, снял рубаху. Оставшись в одних штанах, начал безудержно чихать. Бренголо привязал рубаху к ветке, соорудив из нее что-то вроде верши, и вошел в воду, осторожно обходя обломки статуи, а потом опустился на четвереньки прямо в грязь, сея панику среди рыб.

– Это ж надо – достаточно нагнуться, и вот он, чудесный улов! Жаль, шарахнуло по голове, реакция не та. Ох, какая там, подальше, с золотистой чешуей... Да это карп!

Он гонялся за добычей добрую четверть часа, карп сопротивлялся гораздо серьезнее, чем можно было ожидать. Это была славная схватка. Когда Бренголо прижал к груди рубаху с рыбиной, он закоченел так, что пальцы у него не разгибались, а кожа посинела.

– Придется довольствоваться этим, не то заработаю пневмонию. Красавчик! Жирный, как щука. Что ж, за остальными можно вернуться позже, если, конечно, они не подохнут в этой маленькой лужице...

Одеваясь, он с опаской поглядывал на обломки статуи, готовый удрать, если та возобновит попытки пошевелиться.

– Вот проверну сделку с рыбой, приду и раздроблю тебя на мелкие кусочки!

Юбка, пальто, чулки и туфли Мишлин Баллю так запачкались, будто она побывала в трясине. План кузена сводить ее в парижские катакомбы удался. А поход в Оперу было решено перенести на четверг. Мишлин не сомневалась, что не скоро забудет груды черепов вдоль стен парижских катакомб. Гордясь тем, что ему выдали в префектуре пропуск, Альфонс провел ее сквозь толпу туристов, предвкушавших жуткое зрелище подземного некрополя. Ей не слишком улыбалась перспектива бродить по лабиринту, но разве могла она отказать любимому кузену? И она утешила себя мыслью, что это гораздо лучше, чем если бы они, как планировали раньше, отправились в Оперу: в тот самый день, 20 мая, огромная люстра не удержалась на крюке, сорвалась и упала в зал, прикончив на месте одну из зрительниц.

Подходя к дому на улице Сен-Пер, Мишлин заметила какую-то женщину, украдкой проскользнувшую в дверь, хотя в столь поздний час книжная лавка была уже закрыта.

– Ну да, конечно! Я давно это подозревала. С тех пор как мсье Мори живет один, он вряд ли избегает женского общества! Неужели они думали, что я ничего не замечу? Не выходят из комнаты, опасаясь, что я их выдам... Да если б я захотела, давно бы оповестила об этом весь город, но я не скажу ни слова, ведь мать мадам Таша несомненно лучше, чем прежние подружки мсье Мори.

Кэндзи встречал Джину Херсон на пороге. Он обнял ее и поцеловал в губы, а его пальцы уже расстегивали ее корсаж.

– Не торопись, дай мне отдышаться, – шепнула она. – Экипаж довез меня только до бульвара Сен-Жермен, пришлось идти пешком... Что случилось? У тебя неприятности? Твое письмо меня напугало, ведь сегодня еще только четверг!

– Знаю, – прошептал Кэндзи. – Я больше не мог ждать, так соскучился...

Он с трудом перенес разлуку с Джиной, которая почти всю прошлую зиму провела в Кракове у своей старшей дочери Руфи и новорожденного внука Маркуса. «Неужели я стал сентиментален, – спрашивал себя Кэндзи, – оттого, что от меня съехали Айрис, Жозеф и Дафнэ?» Теперь в его полном распоряжении были две квартиры, и он мог позволить себе принимать Джину гораздо чаще, и каждый раз набрасывался на нее, как голодный на еду.

Он даже приобрел широкую двуспальную кровать, но оставил все по-прежнему в своей аскетической спальне, где на дощатом настиле лежали лишь циновка, деревянный валик вместо подушки и тонкое хлопчатобумажное одеяло. Он спал там, когда был дома один, чтобы оставаться в форме.

Джина не решалась показываться с Кэндзи на людях. Конечно, она знала, что близкие догадались о том, что происходит между ней и Кэндзи, и не стыдилась этого, но ей не хотелось обыденной семейной жизни. Она уже познала ее со своим мужем Пинхасом, который жил теперь в Нью-Йорке. Сознание того, что она снова желанна, воодушевляло ее всю неделю и помогало забыть о том, что ей далеко за сорок.

– Твоя экономка дома?

– Я дал ей выходной.

Кэндзи нанял экономку в апреле, он отдыхал от деспотичной Эфросиньи. Мели Беллак рекомендовала ему тетюшка мсье Шодре, аптекаря с улицы Жакоб. Шестидесятилетняя вдова родом из Брив-ля-Гейард оказалась скромной и работающей. Правда, у нее была привычка постоянно напевать:

Будет ли это, будет ли, девочка,

Будет ли длиться? Долго ли, коротко?
Пока будут деньги, будут и танцы,
Пока будут деньги, девочка спляшет²⁵.

Песенка оказалась привязчивая, и Кэндзи часто пел ее Дафнэ, когда приходил ужинать на улицу Сены. Он так привык к лимузенскому диалекту, что иногда в разговоре путал гласные звуки, чем вызывал удивление клиентов и насмешки Жозефа.

Еще одним недостатком новой экономки, с точки зрения Кэндзи, было увлечение блюдами из картофеля, яиц и фарша – вкусными, но слишком тяжелыми для него.

Однако во всем остальном он был доволен Мели – краснощекая, с черными виноградинами глаз и носом картошкой, в чистеньком светло-сером платье, она всегда была весела и приветлива.

– В таком случае, раз уж мы тут одни, я бы хотела принять ванну, – сказала Джина и, прежде чем он успел ответить, высвободилась из его объятий и поднялась по винтовой лестнице.

Ванная располагалась в дальнем конце квартиры. Джина постояла перед зеркалом, любуясь своим нарядом, который Кэндзи подарил ей в начале весны: темно-синим баржевым²⁶ платьем с высоким воротником, вельветовым палевым жакетом и серой бархатной шляпкой, украшенной жемчугом.

«Ты уже не в том возрасте, чтобы вертеться перед зеркалом, – сказала она себе. – Хотя у Таша еще нет детей, младшая дочь уже сделала тебя бабушкой!»

Она пустила воду и начала раздеваться, стараясь не смотреть на фотографию, стоявшую на мраморной полке. На ней была изображена молодая брюнетка и очень похожий на нее мальчик лет двенадцати. Подпись гласила: «Дафнэ и Виктор. Лондон, 1872 год».

Джина ревновала Кэндзи к этой Дафнэ, и тот факт, что соперницы давно уже нет в живых, ничего в ее чувствах не менял.

«Мог бы и убрать отсюда это фото», – подумала она.

– Можно посмотреть, как ты раздеваешься? – раздалось у нее за спиной.

Джина вздрогнула и смущенно прикрыла грудь нижней юбкой, которую только что сняла.

– Надеешься увидеть что-то вроде «Невинных забав инфанты»? Вряд ли я могу составить конкуренцию знаменитой Фьяметте²⁷... У меня не хватает смелости выставить свое тело напоказ!

– Забудь о ней! – сказал Кэндзи и сам стал ее раздевать. Правда, задача оказалась сложнее, чем он предполагал. В конце концов Джине пришлось прийти ему на помощь, и вот наконец последние предметы туалета скользнули на пол.

– Вода сейчас польется через край! – спохватился Кэндзи. – Какое мыло ты предпочитаешь, лавандовое или жасминовое?

– Постой-постой! Думаешь так легко отделаться? Теперь моя очередь.

До поездки в Краков собственная смелость шокировала бы Джину, но из Польши она вернулась свободной от предрассудков. По пути в Париж, в поезде, какой-то усатый господин бросал на нее красноречивые взгляды, а на перроне ее ждали пылкие объятия Кэндзи. И если у нее иногда и случались приступы стыдливости, ей уже не сложно было их побороть.

²⁵ Старинная песня на лимузенском диалекте окситанского языка, который отличается от литературного французского тем, что в нем звук [œ] часто заменяется звуком [а]. – *Прим. перев.*

²⁶ *Барж* – тонкая шерстяная материя. – *Прим. перев.*

²⁷ См. роман «Встреча в пассаже д'Анфер». – *Прим. перев.*

Она стянула с Кэндзи пиджак и расстегнула рубашку. Он сам снял остальное, и они вместе шагнули в воду. Постояли немного, держась за руки и любуясь друг другом. Потом их тела переплелись, и у Кэндзи вдруг промелькнула неуместная мысль о том, что после таких водных упражнений он бы с аппетитом съел булигу²⁸ Мели Беллак.

– Я так счастлива! Наконец-то мои Белинда и Шерубен обручились!

Затянутая в корсет, в красной юбке, Рафаэль де Гувелин, обмахиваясь веером и едва сдерживая слезы, смотрела на своих собачек, сидевших на усыпанном флердоранжем возвышении. Оставшись вдовой, она посвятила себя собакам, которые заменили ей детей. Она заказывала им у модного портного Ледубля пальто для путешествий, резиновые сапожки, пляжные туалеты из кремового батиста и матроски с вышитыми на воротниках якорями.

Роль шафера исполнял позаимствованный у ювелирши с улицы Колизея йоркширский терьер с длинной шелковистой шерстью.

– Невеста похожа на Клео де Мерод²⁹, вы не находите? – спросила Рафаэль де Гувелин, обращаясь к гостям.

– На воспитанницу Национальной музыкальной академии? Сколько шумихи подняли в Париже из-за этой интриганки! Ее называют прелестной и соблазнительной, а между тем ходят слухи, что она носит прическу, как у красавиц с картин Боттичелли, чтобы скрыть оттопыренные уши.

Гостей на свадьбе было немного. Рафаэль де Гувелин пригласила Виктора и Таша, поскольку хотела заказать мадам Легри свой портрет.

Завтрак был накрыт в роскошном салоне, декорированном в серебристо-зеленых тонах, с мебелью в стиле модерн и множеством прелестных вещиц работы Лалика и Галле, которые хозяйка имела обыкновение приобретать в художественной галерее Самюэля Бинга³⁰.

– Дорогая моя, у вас трехметровые потолки! – заметила слегка завистливо Бланш де Камбрези, которую в книжной лавке «Эльзевир» с легкой руки Жозефа за глаза звали Козой.

Виктора раздражала абсурдность ситуации, в которой он оказался. Он отошел к книжному шкафу и стал рассматривать книги, надеясь угадать, что намерена заказать им мадам де Флавиньоль.

Таша чувствовала себя не лучше. Она сослалась на то, что ей надо припудриться, поднялась по лестнице, украшенной гобеленами и комнатными растениями, и случайно попала в спальню, где стояла кровать из палисандрового дерева с позолоченными бронзовыми статуэтками. К спальне примыкал будуар с раскладным диваном. При виде его Таша подумала, что, вероятно, покойный Октав де Гувелин страдал бессонницей и нередко покидал супружеское ложе. На круглом столике лежала пачка перевязанных ленточкой газет и распечатанная почта. Одна из карточек привлекла внимание Таша. Она взяла ее в руки и прочитала. Нет, этого не может быть! Это не он! Быть может, это приглашение прислано давно, несколько лет назад? Но дата на карточке не оставляла никаких сомнений: *он прибыл* в Париж, чтобы принять участие в празднествах по случаю приезда Николая Второго, и пробудет здесь до

²⁸ Вишневый пирог из дрожжевого теста. – *Прим. перев.*

²⁹ Клео де Мерод (1875–1966) – танцовщица, звезда бель эпок. Ее писали Дега, Тулуз-Лотрек, Болдили и фотографировали Леопольд Ройтлингер и Феликс Надар; почтовые открытки с ее изображениями были чрезвычайно популярны в конце XIX – начале XX века, а журнал «Иллюстрасьон» избрал ее королевой красоты. – *Прим. перев.*

³⁰ Рене Лалик (1860–1945) – ювелир и стеклянных дел мастер, один из выдающихся представителей стиля модерн. Создавал динамичные, необычных форм произведения; Эмиль Галле (1846–1904) – дизайнер, представитель стиля модерн, автор художественных произведений из стекла; Самюэль Бинг (1838–1905) – немецкий керамист, знаток декоративно-прикладного искусства и коллекционер, переехал в Париж в 1871 году. – *Прим. перев.*

начала октября. Таша медленно положила карточку на место. Она не готова была встретиться с прошлым, о котором так долго старалась забыть.

Глава пятая

11 сентября

Это был знаменательный день для Бренголо: он ждал к ужину Верберена. Ранним утром Бренголо отправился на авеню де Шуази. Здесь было множество магазинов, магазинчиков и лавок, а у витрин со сладостями и игрушками толпилась ребятня. Бренголо поминутно отворачивался, борясь с соблазнами. Он уже жалел, что обменял своего карпа на продукты вместо того, чтобы продать, но теперь поздно – что сделано, то сделано. Ему повезло: когда он со смиренным видом занял свое место на паперти достраиваемой церкви Святой Анны в Бютт-о-Кай, туда прибыл свадебный кортеж, и он получил столь щедрую милостыню, что теперь мог устроить для приятеля настоящий пир. Бренголо купил у старьевщика колченогий стол и выпросил у торговца фруктами пару деревянных ящиков, побольше и поменьше – вот вам гостиняя!

Вернувшись, он поставил на импровизированный стол бутылку кислого вина, – не украденную, а честно купленную. Ведь когда приглашаешь друга поужинать, не стоит скупиться. Потом вырыл в земле достаточно глубокую ямку, чтобы в ней можно было развести огонь: к приходу Жано угли будут готовы, и он поджарит на решетке, которую стащил на стройке, сосиски. А еще сварит картошку. Бренголо довольно потирал руки. Вода в котелке, подвешенном над костром из хвороста, еще не закипела, и он мог позволить себе немного передохнуть.

Он открыл свою любимую «Песнь нищих» наугад и прочел вслух, четко выделяя слоги:

И – ох! – вот он, кудрявый,
Достал свой наточенный нож...

Послышался шум. Бренголо поднял голову от книги и негромко окликнул:
– Жано?

Ответом ему была тишина. Бренголо снова уткнулся в книгу.

И – ах! – бедняжка Марго,
Ей в шею вонзили тот нож...

Раздался треск. Бренголо вновь прислушался, гадая, действительно ли что-то слышал или ему почудилось. Потом обернулся, но не увидел ничего, кроме дворца-развалюхи, кустов и деревьев. «Наверное, это потрескивает огонь», – успокоил он себя и уже хотел продолжить чтение, когда снова что-то услышал.

– Эй, дружище, это ты? – громко крикнул он.

Кто-то приближался, насвистывая. Бренголо знал эту мелодию, он выучил ее в приюте Монморийон. Перед его мысленным взором тут же возникла столовая с решетчатыми окнами и изможденное лицо сестры Марии Доминики, сидящей у фисгармонии. Тут из тумана вышел человек, и когда пламя вспыхнуло ярче, Бренголо успел различить искривленное гримасой лицо и руку, махнувшуюся молотком. Он дернулся, пытаясь увернуться от удара, но не успел: крик замер у него на губах, голову пронзила резкая боль. Бренголо кулем упал лицом вниз. Раскрытая книга осталась лежать в траве.

– Монетт, милая Монетт... Надеюсь, малыш Шарло предупредит Бренголо, и он на меня не обидится. Он, небось, с ног сбил, бедолага, готовя угощение ...

Жан-Пьер Верберен положил портрет своей супруги на тумбочку. Ее не стало три года назад. Он скучал по ней, особенно вечерами. Не то чтобы они много разговаривали, но ему достаточно было просто сидеть рядом, смотреть, как она строчит на машинке, и знать, что он принадлежит ей, а она – ему. Они вместе вырастили сына, и им не нужно было говорить друг другу о любви: когда их глаза встречались, в них можно было все прочесть... Это как мелодия, слов которой не знаешь, но которая постоянно вертится у тебя в голове...

Жан-Пьер отказался от квартиры на улице Сен-Поль, где стало слишком просторно для одного. Сын Андре жил в Лионе, писал нечасто, хорошо если раз в год, и все обещал приехать...

Жан-Пьер Верберен снял в квартале у Брансионских ворот за сто двадцать франков в год очень скромную, но вполне приличную меблированную квартирку, состоявшую из крошечной спальни и кухоньки без вентиляции. Его пенсии едва хватало на оплату жилья и еду. Когда он возвращался домой, ему в нос бил зловонный запах на лестнице. Уборная находилась в конце темного коридора, стены которого были размалеваны непристойными рисунками, а за водой приходилось ходить к колодцу, за двести метров от дома.

Он встал, опершись на спинку стула, и с трудом поплелся к окну. Его опять скрутил приступ ревматизма, поясница мучительно ныла. Жан-Пьер всю жизнь проработал делопроизводителем: весь рабочий день он сидел в кабинете среди бумажных завалов и гор картонных папок. Мозоль на искривленном среднем пальце, наверное, не пройдет уже никогда. Интересно, можно ли сосчитать, сколько букв он вывел каллиграфическим почерком, сколько поставил точек, запятых, дефисов и тире? Наверное, миллион...

Каждую неделю, в выходные, они с Монетт ездили в Жантийи в свой садик, вскапывали грядки, что-то высаживали. К вечеру они падали от усталости, но как приятно было потом привозить домой корзины овощей и цветов!

«Только бы Шарло не заблудился», – подумал Жан-Пьер. Он отправил к Бренголо старшего сына своей соседки мадам Люсетт. Она работала на обувной фабрике обметчицей, и у нее было трое детей. Хотя двенадцатилетний Шарло уже подрабатывал резчиком кожи, им никак не удавалось свести концы с концами. А мсье Люсетт почти не выходил из тюрьмы. В последний раз его посадили за то, что, не уплатив налог, он занимался продажей шнурков и ремешков для туфель. Обвинение гласило: нарушение правил торговли и оскорбление представителей закона, приговор – четыре месяца заключения в Пуасси. В семейном бюджете мадам Люсетт вновь образовалась брешь. Жан-Пьер Верберен знал, каково им приходится, и платил Шарло за мелкие услуги.

Бренголо очнулся: все вокруг было как в тумане. Теперь, он лежал на спине, потому что перед глазами у него были листья какого-то кустарника. Пахло анисом. Где-то далеко бил колокол. Бренголо почувствовал, что озяб. Вдруг послышался шепот. Медленно, с большим трудом он повернул голову и только тогда осознал, в какой странной позе лежит: одна нога подтянута почти к самому подбородку, левая рука вывернута за спину. Он попытался пошевелиться, и его пронзила такая резкая боль, что в глазах потемнело. Что произошло? Где он? В висках пульсировало. Бренголо увидел светлое прямоугольное пятно примерно в метре от лица. Книга? Он начал осторожно раскачиваться, пытаясь высвободить руку. Наконец его ладонь, испачканная липкой горячей жидкостью, струившейся из рукава, легла на страницу. Голова у него кружилась, мысли путались. Невероятным усилием ему удалось заткнуть книгу за пояс. Перед тем как потерять сознание, он увидел протянутые к нему руки. И почувствовал, что словно вырвался из собственного тела и плывет среди яркого света... Ему снова было двадцать, он шел по лугу... Луиза... Она говорит: «Посмотри на небо! Какая

красота!» Она права. Это огромное поле пшеницы, усыпанное маками, действительно великолепно. Вон там, совсем рядом, у реки, показалась фигура с голубым нимбом над головой... Это Луиза, и она идет ему навстречу.

Человек бросил неподвижное тело Бренголо на опавшие листья, насвистывая, наклонился и прижал два пальца к сонной артерии. Никаких признаков жизни. Этот пронырливый оборванец никому больше не доставит проблем.

Глава шестая

13 сентября

Мишлин Баллю решительно взялась за дверной молоток семейного пансиона, где жил Альфонс: они с кузеном больше не пойдут на прогулку ни в промышленный район, ни на кладбище, ни тем более в музей. Зато она охотно согласится пройти вдоль витрин «Самаритена»³¹, где среди новинок осенне-зимнего сезона приглядела себе чудесное платье из мохера песочного оттенка и без пышных рукавов – в модном стиле а-ля рюс.

В дверях появилась Катрин, при виде мадам Баллю любезная улыбка на лице служанки сменилась выражением крайней досады. «Опять пришла эта зануда», – думала Катрин, провозжая посетительницу к кабинету хозяйки.

Мадам Арманда Симоне гадала на картах. Ее преследовал бубновый король, и она подозревала, что это учитель Фендорж.

– Здравствуйте, мадам, я пришла к Альфонсу.

Мадам Симоне ответила легким кивком.

– К сожалению, мсье Баллю не появлялся тут со вчерашнего дня. Мне хорошо известно, что он ведет беспутную жизнь, но до сих пор в таких случаях он меня предупреждал. Впрочем, я о нем не беспокоюсь, он наверняка у некоей Люси Гремий, парикмахерши с улицы Антрепренер.

Мишлин Баллю от возмущения чуть не выронила сумочку.

– Это переходит все границы! Мы с мсье Баллю должны были вчера ехать в Руан, я откладывала деньги на это путешествие с самого Рождества! Билет третьего класса, к вашему сведению, стоит целых двенадцать франков! Но кузен позвонил мне в книжную лавку «Эльзевир» и сказал, что все отменяется. Я расстроилась, но он обещал мне взамен прогулку по Парижу. Я пришла, а его нет!

– В каком часу он звонил?

– Было почти десять, я уже готова была отправиться на вокзал Сен-Лазар. Мы бы вернулись только после полуночи, но зато какое бы получили удовольствие...

– За ним пришла женщина.

– Какая? Парикмахерша? Ну, он у меня получит!

– Нет, та, что приходила вчера, мне не знакома. Но мсье Баллю вел себя с ней как со старинной приятельницей.

– Опишите ее! – потребовала консьержка.

Арманда Симоне не привыкла, чтобы с ней разговаривали в таком тоне. Она нарочно выдержала долгую паузу, поправила кочергой поленья в камине и только потом соизволила ответить:

– Среднего роста, волосы наверняка крашенные, терпеть не могу этот вульгарный золотисто-каштановый цвет! Совершенно заурядное лицо.

– Ее имя?

– Что-то вроде Пийош... Черт! Не могу вспомнить... Амандина, Альбертина... Судя по всему, она занимается торговлей, мне сказали об этом мадам и мсье Дюссо, они видели мсье Баллю и его спутницу, когда выходили из дома. Надо думать, товар у этой торговли

³¹ «Самаритен» – самый большой универмаг в Париже, открыт в 1869 году. Здание выполнено в стилях ар деко и ар нуво. Получил название от насоса, который качал воду из Сены у Нового Моста для нужд центральной части Парижа. – Прим. перев.

привлекательнее, чем ее внешность. Никогда бы не поверила, что такой видный мужчина, как мсье Баллю, мог ею увлечься. Хотя, если поразмыслить, парикмахерша, у которой он торчит по воскресеньям... Кстати, вы не задумывались, почему он перенес ваши прогулки на будние дни?.. Так вот, эта Люси тоже довольно вульгарна...

– Альбертина Пийош... Или может, Александрина Пийот? – воскликнула Мишлин Баллю.

– Да, кажется, так. Значит, вы ее знаете?

Но вопрос мадам Симоне повис в воздухе – Мишлин Баллю выбежала вон, мысленно проклиная Виктора Легри. Ведь именно он познакомил ее дорогого кузена с этой отвратительной торговкой!

– Если Альфонс с ней крутит, я ему устрою, этому мсье Легри! – проворчала консержка.

14 сентября

Морис Ломье трижды прошелся по двору, собираясь с духом, и уже занес руку, чтобы постучать, но передумал. После того как в 1894 году Виктор Легри оказал ему серьезную услугу, их отношения были вполне сносными, но Ломье не мог забыть Виктору, что тот когда-то отнял у него прекрасную Таша.

«Он чертовски ловко проводит свои расследования и самоотверженно искал в свое время Лулу³², но при этом слишком самодоволен. Фотограф-дилетант, который строит из себя мастера! И все же он, наверное, единственный, кто согласится одолжить мне денег. Так что долой сомнения!» – решил Ломье и постучал.

Вышла Таша, одетая по-домашнему просто: в легкую длинную блузу, из-под которой виднелась нижняя юбка, с распущенными волосами – и Ломье отметил про себя, что в такой одежде она еще краше.

– Морис! Какой сюрприз! Вы к Виктору? Он бреется, сейчас я его позову... – Она хотела направиться в ванную, но художник сжал ее локоть.

– Минутку, ласточка, позволь мне побыть хоть минутку с тобой наедине. Ты хорошеешь с каждым днем!

– Дорогой! – крикнула Таша, мягко высвобождаясь. – К тебе пришли!

Морис Ломье разочарованно вздохнул. Услышав громкое мяуканье, опустил взгляд и увидел, что о его черные брюки трется кошка.

– Чудесно, теперь я буду весь в шерсти! – пробормотал он, и в этот момент к нему вышел Виктор.

– Ломье! Какими судьбами? Вы уже завтракали? Хотите кофе?

Они прошли на кухню, где Таша уже готовила для них кофе.

– Как поживает Мими? – вежливо поинтересовался Виктор.

– Она передает вам привет. Если позволите, я стащу у вас для нее один круассан. Мими редко ест досыта, бедняжка.

– Что вы говорите?! – воскликнула Таша.

– Чистую правду, моя красавица! Простите за фамильярность, Легри. Вы, должно быть, уже забыли, что удел живописцев – пустой кошелек.

– Но вы, кажется, не так давно были на пути к успеху. Помните, вы показывали мне наброски к портрету Жоржа Оне³³? – возразила Таша.

³² См. роман «Талисман из Ла Виллетт». – Прим. перев.

³³ Жорж Оне (1848–1918) – новеллист, представитель модернизма. Автор ряда сценариев к фильмам. – Прим. перев.

Морис Ломье и Виктор искоса поглядывали друг на друга. Виктор вертел сигарету между пальцами.

– Вы в затруднительном положении, Ломье? Двадцати франков достаточно?

Тот сначала отказался, но когда Виктор протянул деньги, живо спрятал их в карман.

– Увы, пристрастия меняются так быстро. Мой стиль письма наскучил господам литераторам и светской публике. Они считают его слишком академичным... И вот, извольте, я снова не у дел. – Ломье стряхнул крошки с рукава и поднялся. – Благодарю вас, верну как только смогу. О, кстати! – Он достал из кармана и вставил между кофейником и чашкой два приглашения. – Вы непременно должны посетить эту выставку. Ваш покорный слуга тоже внес свой скромный вклад. Там будет представлена акварель, масло, скульптура, в том числе работы Родена. Открытие послезавтра, в кафе «Прокоп», в семь вечера.

Таша пробежала глазами приглашение, в котором было перечислено несколько имен. Опять *он*!

– До скорого! У меня назначена встреча с приятелем на площади Сен-Сюльпис, – бросил Морис Ломье и направился к выходу.

– Подождите меня, я оденусь... – остановила его Таша. – Мне нужно к покупателю на набережную Конти, пойдемте вместе.

– Ты мне ничего об этом не говорила, – расстроился Виктор.

Она поцеловала его в щеку и шепнула:

– Это знакомый сэра Реджинальда, он в Париже проездом... Прости мою забывчивость. Я вернусь до полудня, обещаю, милый.

– Можешь не спешить, я весь день буду в книжной лавке, – буркнул Виктор.

Так всегда – Таша свободолюбива, и с этим ничего не поделаешь. Кошка подошла к нему, и он задумчиво почесал ее за ушком.

– Привет, Пятница, меня зовут Робинзон... Придется нам с тобой набраться терпения, крошка, – прошептал он.

Недалеко от оперного театра экипаж застрял в пробке, образовавшейся из-за столкновения парового трамвая и грузового фургона. Обругав все средства передвижения, которые не только наполняют столицу смрадом, но и представляют собой опасность, кучер надвинул шапку на глаза и задремал. Морис Ломье протянул к Таше руки, она резко отодвинулась.

– Итак, ты на мели? – спросила она.

– У меня всегда бывали взлеты и падения. В сентябре нам с Мими было совсем туго, но я верю, благоденствие не за горами. Один мой приятель знаком с торговцем, который продает картины буржуа, желающим украсить свои дома. Их не интересует современное искусство, им нужна только классика, ты меня понимаешь?

Улучив мгновение, он попытался ее обнять.

– Держи руки при себе, Морис! – с напускной строгостью сказала она и щелкнула его по носу.

– Злюка! – нахмурился он.

– Это тебе не только за нахальные ухаживания, но и за то, что ты предаешь свои идеалы!

Пробка наконец рассосалась, и экипаж тронулся с места.

– Легко читать мораль другим, когда ты замужем за обеспеченным книготорговцем. А что касается меня, то я ни от чего не отрекался, все осталось здесь. – Он выразительно постучал указательным пальцем по голове. – Но пока искусство не дает мне средств к существованию, придется зарабатывать на жизнь иначе.

– Интересно, как?

– Все просто: поступает заказ на дюжину одинаковых сюжетов. Каждый художник – а я вхожу в команду пейзажистов – выбирает себе три темы. У меня это долина, по которой течет река, рыбаки в бретонском порту и деревенская свадьба. Кто-то пишет натюрморты, охотничьи сцены, лунный свет в горах... да все что угодно. Я могу намалевать такой шедевр за двенадцать часов. Конечно, поначалу больших заработков не будет, к примеру, за полотно размером сорок на тридцать три мне заплатят тридцать сантимов, да еще и краски придется покупать за свой счет.

– Не слишком воодушевляет!

– Согласен. Поэтому я хочу открыть свое дело и продавать свои работы гуашью с торгов по двенадцать-пятнадцать франков за пару, в позолоченной рамочке. Вешай в столовой и любуйся на здоровье!

– Это еще хуже! Морис, тебе не стоит растрачиваться на подделки!

– Брось! Мы с Мими хотим жить как люди. Тебе это кажется странным? То, что нам надоело перебиваться с хлеба на воду. А так я поднакоплю денег, сниму студию, и тогда... все узнают про мой талант!

Таша посмотрела на него с сомнением, но решила не спорить. Она вспомнила, как еще не так давно сама прозябала в мансарде на улице Нотр-Дам-де-Лоретт. Разве вправе она осуждать менее удачливого товарища? К тому же она поехала с ним вместе вовсе не для того, чтобы выяснить источники его доходов.

– На этой выставке в «Прокопе», судя по всему, будет много участников. Я знаю кого-то из художников?

– Двух-трех человек. Там будет много иностранцев: девица из Шотландии, которая пишет портреты пастухов в килтах, скульптор из Румынии, отливший столько бюстов Дидро, что ими можно заставить весь Монмартр, бельгиец, изображающий шахтерские поселки под дождем... А еще какой-то итальянский скульптор, я о нем ничего не слышал, как и о двух немцах: один, по слухам, добился успеха в Берлине. Кажется, все: нет, еще гречанка-миниатюристка.

Экипаж резво катил к улице Риволи, и скорость раззадорила художника, но его поцелуй скользнул мимо щеки Таша, вовремя предугадавшей этот маневр.

– Как, неужели мне не положено даже скромного поцелуйчика в память о прошлом? Телемская капелла, Бибулус... И несколько сеансов, когда ты мне позировала... У тебя восхитительная грудь! О, я предчувствую, что скоро к ней прильнет маленький крепыш!

– Ты ошибаешься, – улыбнулась Таша.

– Вы не планируете ребенка? О, ты была бы замечательной матерью!

Таша начала сердиться: она запрещала себе думать об этом, но идиот Ломье не умолкал!

– Я не собираюсь бросать работу, – пробормотала она, не желая признаваться Ломье в том, что она очень хочет ребенка, но у них с Виктором пока ничего не получается.

Ломье заметил, что она расстроилась.

– Прости, я вел себя, как болван.

– Прощаю, – кивнула она и вдруг добавила: – Меня это пока устраивает.

– Что именно? – не понял Ломье.

– Нам с Виктором вполне хватает друг друга...

– Жаль, что ты выбрала его, моя прелесть. Мы с тобой легко преодолели бы любые трудности.

– Не стоит сожалеть о том, чего уже не изменить, – философски заметила Таша. – У тебя есть Мими, а наши с тобой отношения все равно не продлились бы больше полугода. Ну вот, я приехала. Держи, оплатишь поездку, – сказала она, оставляя деньги на сиденье.

– Я буду с нетерпением ждать открытия выставки и рассчитываю увидеть там тебя! – крикнул он вслед.

Таша дождалась, пока экипаж скроется из вида, и окликнула другой. Она солгала Виктору: никакого друга сэра Реджинальда на набережной Конти не было, Таша надеялась разузнать у Ломье о *нем*. И теперь возвращалась домой, на улицу Фонтен, твердо решив: она обязательно пойдет на выставку в «Прокоп».

– Мишель! Эй! Форестье! Прошу прощения, что опоздал, причина уважительная, вот десять франков, которые я тебе должен!

В начале извилистой улицы Феру стоял парень в драповых брюках и пальто, задумчиво созерцая двух сфинксов, охраняющих дверь особняка. Он повернул к Морису Ломье безудное лицо, увенчанное густой шевелюрой.

– Ты узнал меня со спины?

– Еще бы! Твое драное пальто ни с каким другим не спутать. Хочешь пропустить стаканчик?

– Сейчас, только загляну в лавку, удостоверюсь, что заказ готов, и я в твоём распоряжении.

Они направились на улицу Сен-Сюльпис, где продавали ризы, шляпы, псалтири и молитвенники, не говоря уже об иконах и свечах, и вошли в одну из лавочек. Покупатели тут были серьезные и почтенные – сестра милосердия в белом чепце, пожилая дама в плаще с капюшоном – и повсюду висели изображения святых: святая Тереза Авильская на коленях перед Жанной д'Арк, Франциск Ксаверий, проповедующий евангелие непосвященным, угрюмый Бенедикт Лабр в лохмотьях, святой Рох с собакой³⁴, сонмы ангелов... Наконец они подошли к художнику, расписывавшему одежды Святой Девы с Младенцем на руках.

– Рад вас видеть, мсье Форестье. Святую Розу Лимскую³⁵ как раз упаковывают для отправки в Бразилию. Приданое будем отправлять?

– Непременно, счет уже оплачен.

Морис Ломье недоверчиво приблизился к деревянной статуе с синими эмалевыми глазами, подкрашенными нежно-розовой краской щеками и в алом бархатном плаще.

– Ей нет цены!

– Напротив, приятель! Плащ для Святой Розы – полторы тысячи франков, платье – порядка девятисот, нижние юбки – пятьсот... На деньги, полученные за ее гардероб, можно пировать с января по декабрь.

– Белье для святой, ты шутишь?

– У нее оно такое же, как у любой парижанки, – батистовая сорочка, нижние юбки, черные шелковые чулки, атласные туфли.

– Так вот чем ты занимаешься!

Мишель Форестье покачал головой.

– Я отвечаю только за формы, в которые заливают гипс, чтобы отлить статуи Святого Николая. А еще организую отправку товара за границу.

– И что, прибыльное дело?

³⁴ *Тереза Авильская* (1515–1582) – испанская религиозно-мистическая писательница, монахиня ордена кармелиток, канонизирована в 1622 году, причислена к Учителям Церкви (1970); *Франциск Ксаверий* (1506–1552) – католический святой, один из основателей ордена иезуитов; один из самых успешных миссионеров в истории христианства; *Бенедикт Иосиф Лабр* (1748–1783) – католический святой, нищенствующий монах и юродивый; *Святой Рох* (ок. 1295–1327) – защитник от чумы; по преданию, собака дворянина по имени Готхард принесла умиравшему от голода святому Роху хлеб и стала его помощником. – *Прим. перев.*

³⁵ *Роза Лимская* (1586–1617) – первая католическая святая Латинской Америки, покровительница Перу и всей Южной Америки. – *Прим. перев.*

– У меня есть постоянные клиенты, я даже открыл маленькую частную мастерскую, – и Мишель Форестье прошел в застекленный холл, где дал какие-то указания подмастерью, работавшему над париком для статуи Святого Иосифа.

– Пойдем, я отведу тебя в один кабачок, где подают грог с корицей, и ты расскажешь мне последние новости.

Заведение располагалось на углу улиц Вье-Коломбье и Бонапарта. Усевшись перед дымящимися стаканами, приятели с удовольствием вспоминали прошлое.

– А помнишь, как ты организовал выставку в «Золотом солнце»? У меня тогда были покупатели, и хоть я не купался в роскоши, мне не приходилось штамповать статуи святых.

– Я тебя понимаю! Ты не представляешь, сколько сейчас продается посредственных картин! Вкусы общества становятся все более примитивными, настоящих ценителей почти не осталось. Что поделаешь, такие времена! Придется приспосабливаться. Если я считаю, что картина должна стоить больше двадцати франков, смело ставлю свою подпись, так что если ты когда-нибудь прочтешь на картине подпись «А. Талия», выполненную готическим шрифтом, знай, ее автор – твой покорный слуга.

– Но это же имя героини Расина!

– И греческой музыки, которая высмеивала человеческие слабости и пороки. Признай, в этом что-то есть: Ален Талия, подающий надежды художник, получает двенадцать франков из двадцати, вырученных за его картину. А еще я хотел тебя пригласить... – Морис Ломье протянул Мишелю Форестье карточку. – Там будут подавать птифуры³⁶, придут торговцы, меценаты и известные люди. Некий Кемперс пригласил даже Огюста Родена.

– Как! Родена? Это гениальный скульптор! Бюст Пюви де Шаванна³⁷ его работы просто великолепен! В прошлом году Роден давал ужин в отеле «Континенталь» по случаю своего семидесятилетия, мне удалось туда попасть... Я обязательно приду в «Прокоп»!

Приятели беседовали еще долго. Морис Ломье с завистью говорил о своем кумире Гогене, который сбежал в Папезте³⁸, как он писал одному из своих друзей, устав от «вечной борьбы с глупцами». Мишель Форестье мечтал получить заказ на портрет Бальзака в полный рост, чтобы отказаться от ужина у Доде или Гонкура, сославшись на то, что завален работой.

Они не заметили, как один экипаж замедлил ход, и за его запотевшим стеклом мелькнул отороченный кружевом рукав женского платья.

Альфонс Баллю изнемогал от немоты, тоски и неизвестности. Как ему выбраться из этого темного сырого подземелья?! Он потерял счет времени и уже не мог бы сказать, как долго пребывает в заточении. Какой же он кретин! Как можно было сесть в тот экипаж!

Очнувшись, он обнаружил, что сидит, прислонившись спиной к неровной каменной стене, с повязкой на глазах и связанными запястьями и щиколотками. Он напряг слух. Сколько их, похитителей? И где они? Альфонс понял, что должен освободиться во что бы то ни стало! Или хотя бы оставить какой-то знак... на случай, если его будут искать. Но где же бумажник, ключи, носовой платок, расческа? Он попытался, насколько это было возможно, ощупать свой пиджак. Пусто. Его обчистили! Ботинок! Он может оставить здесь свой ботинок! Но щиколотки были так туго стянуты веревкой, что снять ботинок не получилось. Похитители скоро вернуться. Возможно, они потребовали за него выкуп! Тогда все пропало: платить за него некому, и его убьют. Альфонс ухитрился сдвинуть рукой повязку.

³⁶ *Птифуры* – маленькие печенья с начинкой. – *Прим. перев.*

³⁷ *Пьер Сесиль Пюви де Шаванн* (1824–1898) – художник, представитель символизма. – *Прим. перев.*

³⁸ *Папезте* – административный центр французских владений в Океании (Французская Полинезия), находится на острове Таити. – *Прим. перев.*

Место, где он находился, напоминало овраг, заваленный ветками и каким-то мусором. Что это, лес? Или свалка? Он пригляделся: невдалеке, под кустарником, виднелось какое-то светлое пятно. Быстрее, быстрее, надо действовать, пока они не... Карточка! Быть может, это его единственный шанс спастись! Изгибаясь ужом, двумя пальцами извлек карточку из кармана, дополз до пятна. Это была книга. Спина затекла, все тело болело. Еще одно усилие! Ему удалось положить карточку на раскрытую страницу книги и подпихнуть ее ногой под кучку опавших листьев. Теперь надо быстро вернуться на место и поправить повязку.

Потом его подхватили за руки и за ноги и бросили в подвал без окон. Там была печка, которая совсем не грела. Кормили дважды в день черствым хлебом и похлебкой, которой побрезговала бы и собака. И постоянно твердили, что скоро освободят, что не надо отчаиваться, что как только выяснят, чем именно он может быть полезен, его отпустят. Альфонс решил, что скорее сможет выпутаться, назвавшись важной шишкой. Но поможет ли ему эта хитрость? Вот в чем вопрос...

Глава седьмая

Тот же день, книжная лавка

Виктора одолевали мрачные мысли. Когда Таша ушла из дома с Морисом Ломье, он захандрил, в очередной раз теряя веру в их счастливое совместное будущее. Но потом взял себя в руки и, рассудив, что спасение в работе, оседлал велосипед и отправился в лавку. Там он воспользовался отсутствием Жозефа, чтобы рассортировать и спокойно разложить по порядку тома. Кэндзи не было видно, что означало, что он поздно лег. Виктор догадывался, что могло быть тому причиной, но предпочитал делать вид, будто ничего не замечает.

Ему не суждено было долго пробыть в одиночестве: горбатый хромо́й старик, бывший учитель химии из Коллеж де Франс, появился на пороге.

– Здравствуйте, мсье Мандоль, как поживаете? – любезно приветствовал его Виктор.

– Как поживаю? Да я чуть не отдал концы на набережной Малакэ во время этого чудовищного урагана! С окрестных домов срывало черепицу, и она падала прохожим на головы! Видите шрам возле правого глаза? Еще чуть-чуть, и я бы окривел!

– Да-да, – сочувственно покивал Виктор, – ураган нанес огромный ущерб, кровельщикам будет много работы.

– По меньшей мере пятеро погибли и сотни ранены. Ураган вырывал с корнем платаны, подбрасывал их в воздухе; поднятые в воздух обломки разбивали окна и черепицу на крышах! А лодки прачек³⁹ разнесло в щепки. Я сам видел их на парاپете! До сих пор я был уверен, что такое бывает только в романах Гюстава Эмара⁴⁰.

– А мне пришли на ум романы Поля Бурже, который преклоняется перед страданием и верит в его очистительную силу. А вот доктор Анкосс⁴¹ утверждает, что у парижан столько капризов и прихотей, что они в конце концов слились в единый поток отрицательной энергии и вызвали ураган, – возразил Виктор.

– Этот Папюс осел! Но я пришел сюда не для того, чтобы вывести его на чистую воду. Получили вы наконец монографии Шевреля⁴²?

Виктор мысленно взмолился о помощи. Но к его радости, дверь магазина открылась, и вошла консьержка. Правда, вид у нее был отнюдь не благодушный.

– Это вы во всем виноваты! – напустилась она на Виктора. – Это из-за вас они встретились!

– Добро пожаловать, мадам Баллю! Простите, кто «они»?

– Старьевщица, приманившая моего кузена старинными военными медалями! И не говорите мне, что вы не знаете Александрина Пийот, эту базарную бабу с рыжими патлами!

Мсье Мандоль ехидно ухмыльнулся. Виктор отошел к камину и сделал вид, будто смахивает пылинку с бюста Мольера.

³⁹ Парижские прачки в те времена полоскали белье в Сене, забираясь в старые лодки, стоявшие на приколе у берега. – *Прим. перев.*

⁴⁰ *Гюстав Эмар* (наст. имя Оливье Глу; 1818–1883) – писатель, автор историко-приключенческих произведений, в том числе об индейцах. – *Прим. перев.*

⁴¹ *Поля Бурже* (1852–1935) – критик и романист, достигший громкой известности своими психологическими романами; *Жерар Анкосс* (псевдоним Папюс; 1865–1916) – известный оккультист, маг и врач. – *Прим. перев.*

⁴² *Мишель Эжен Шеврёль* (1786–1889) – французский химик-органик, за свои достижения был принят в члены-корреспонденты Петербургской АН (1853). – *Прим. перев.*

– Это уже слишком! – гремела Мишлин Баллю. – Альфонс рассказал мне, как однажды, когда он бродил по аукционному залу, вы познакомили его с этой Пийот! Она просекла, что за военные побрякушки он отдаст все что угодно, и впарила ему медали, заявив, что они якобы принадлежали зятю президента Жюля Гриви⁴³, который продал их из-под полы, чтобы выплатить долги!

– Этот скандальный случай давно в прошлом, – заметил мсье Мандоль.

– А ваш кузен давно уже вышел из детского возраста и волен тратить деньги по своему усмотрению, – возразил Виктор.

– Держу пари, эти медали фальшивые! А ваша Пийот хочет заполучить моего Альфонса!

– Я не имею никакого отношения к похождениям мсье Баллю. С чего вы взяли, что между ним и старьевщицей что-то есть?

– С чего я взяла?! Да с того, что, во-первых, Александрина Пийот позавчера выманила Альфонса из дома, и он не вернулся ночевать в свой пансион. И потом... интуиция меня никогда еще не подводила!

Виктор раздраженно закатил глаза, думая о том, как избавиться от крикливой консьержки, и не заметил, что спасение было рядом: мимо него в заднюю комнату тихонько пробрался Кэндзи. В шкафу, где он хранил экзотические вещицы, привезенные в качестве сувениров, между татуировочной иглой и флягой из тыквы с геометрическим рисунком лежал продолговатый предмет, упакованный в папиросную бумагу. Кэндзи развернул его и увидел бледно-голубой шейный платок, к которому булавкой была приколота записка: «Пусть он согреет тебя, любимый». Подписи не было, но он узнал почерк Джины и, взволнованный, уткнулся лицом в платок, вдыхая аромат знакомых духов любимой женщины.

⁴³ Жюль Гриви (1807–1891) – политический деятель, президент Франции (Третья республика, 1879–1887). – Прим. перев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.